

Михаил Антонов

Портальщик
Короткий путь

18+

Михаил Антонов

Портальщик. Короткий путь

«Автор»

2026

Антонов М.

Портальщик. Короткий путь / М. Антонов — «Автор», 2026

Его называют «Короткий Путь». Он понятия не имеет, насколько прозвище близко к истине. Андрей выжил. Он сбежал от имперского правосудия, поступил на службу к самому Шахиншаху и стал бойцом элитной тайной стражи. У него есть дом, слуги, уважение и редкий артефакт. Но когда на столицу нападают легендарные демоны пустыни, а в его прошлом всплывают тайны, способные уничтожить всё, Андрей понимает: его дар — не только спасение, но и проклятие. Испытание пройдено. Враги повержены. Но главный удар наносит та, от кого он меньше всего ждал предательства.

© Антонов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Михаил Антонов

Портальщик. Короткий путь

Глава 1

1

Я плюхнулся на подушки и сразу же утонул в этой роскоши. Мягко, чертовски мягко. Фархад ибн-Аббас аль-Наджи возлежал напротив меня с грацией сытого кота, подперев голову рукой, унизированной перстнями. Я попытался принять такую же позу. Результат вышел плачевным.

Неловко завалился на бок, локоть соскользнул с подушки, и мне пришлось спешно перебирать ногами, чтобы сохранить равновесие на покачивающейся поверхности ковра. Со стороны я, наверное, напоминал перевёрнутую черепаху. Фархад вежливо отвел взгляд, но в уголках его глаз плясали смешинки.

— Э-э-э... уважаемый Фархад, — начал я, чтобы хоть как-то отвлечься от собственной неловкости. — Невероятный артефакт... этот ковёр. На каких принципах он летает?

Вопрос был идиотским, но лучше уж говорить, чем молча ёрзать, пытаюсь принять достойный вид.

Фархад ибн-Аббас аль-Наджи погладил бороду, и его глаза согласно и довольно сверкнули.

— О, это, молодой мастер, результат тончайшего слияния двух начал, — его голос, с лёгким, певучим акцентом, лился, как тёплый мёд. — Магия Воздуха, что наполняет паруса кораблей и гнёт спины облаков, здесь служит основой, даруя нам лёгкость и возможность парить. Но главное, — он поднял палец с огромным сапфиром, — это магия Разума. Мысль хозяина управляет ковром. Малейшее желание, едва уловимая воля — и он послушен, словно ручной сокол.

Я понимающе кивнул, уже немного успокаиваясь. Голос у него был какой-то... гипнотический, что ли. Располагающий.

— Должно быть, стоит бешеных денег, — ляпнул я первое, что пришло в голову.

Фархад рассмеялся — мягко, без тени насмешки.

— О да. Такие игрушки, — он любовно похлопал ладонью по ковру, — позволить себе может далеко не каждый. И дело не только в цене. Приобрести летающий ковёр можно только с личного соизволения досточтимого Повелителя Шамсахара, Шахиншаха Джалаладдина, да продлятся его дни. Не всякому позволено рассекать небеса его халифата, молодой мастер Андрей. Это честь и... — он хитро прищурился, — ответственность.

— А далеко ли простирается власть вашего Повелителя? — спросил я, пытаясь представить масштаб страны.

Фархад усмехнулся, указывая куда-то вдаль, за крыши домов.

— От Великой пустыни на востоке до Предгорий Забвения на западе. От Мраморного моря на севере до Золотых песков на юге. И всё это — Шамсахар, молодой мастер. А что до Империи Аэндор... — он чуть прищурился, — полтора месяца пути караваном через пустыню. Или три недели морем, если не пользоваться стихийной магией.

— Понимаю, — только и смог выдохнуть я, впечатлённый услышанным.

Город плыл под нами, как огромный, живой муравейник. Я видел всё: базарные площади, кипящие пёстрой толпой, извилистые улочки, где в тени домов прятались от жары люди и ослики, зелень садов, врывающихся в каменные джунгли островками прохлады. Вдалеке, за крышами домов, угадывалась ослепительная синева моря, усеянная белыми точками кораблей.

Фархад молчал. Он просто сидел и смотрел на меня с лёгкой, доброй улыбкой, не мешая наслаждаться моментом. И за это ему было отдельное спасибо.

Мы отлетели от центра. Роскошные дворцы и шумные базары остались позади. Мы двигались к окраине, и архитектура внизу менялась. Вместо каменных громад, уходящих в небо, появились двух-, а кое-где и трёхэтажные дома. Они были сложены из светлого камня, с плоскими крышами и небольшими, увитыми зеленью внутренними двориками. Чисто, зелено, уютно. Дома явно принадлежали людям состоятельным, но не запредельно богатым.

Ковёр плавно пошёл на снижение, направляясь к одному из таких домов — приличному двухэтажному особняку, утопающему в зелени. Мы мягко, почти невесомо, опустились прямо на небольшую, вымощенную камнем террасу на втором этаже.

И тут же, словно по мановению волшебной палочки, из дверей, ведущих внутрь, появились двое. Слуги. Одеты просто, но добротно: светлые льняные рубахи, широкие штаны, на поясах — кожаные кошель. Не глядя на нас, без лишних слов и суеты, они начали быстро и слаженно устанавливать над ковром высокий навес из плотной, светлой ткани, закрепляя его на прочных шестах. Солнце сразу перестало печь, на террасе воцарилась благословенная тень.

Я молчал, замороженно наблюдая за этим бесшумным спектаклем. Фархад, кажется, тоже не спешил начинать разговор.

Когда навес был натянут и закреплён, слуги исчезли так же быстро, как и появились. Но уже через минуту они вернулись, неся небольшой, но искусно сделанный столик на низких, резных ножках. Они поставили его между нами, прямо на ковёр.

Следом на столике появился изящный чайник из тёмной, с золотой росписью керамики, две маленькие пиалы и несколько тарелочек с восточными сладостями — рахат-лукум, обсыпанный сахарной пудрой, засахаренные орехи, тончайшие ломтики какой-то халвы и горка свежих, налитых солнцем фруктов: персики, инжир, крупный янтарный виноград.

Я перевёл взгляд с этого великолепия на Фархада. Он улыбнулся своей самой располагающей улыбкой и широким жестом указал на стол.

— Ну что, молодой мастер? Прошу откусать. Уверяю, после столь волнительного дня это будет совсем не лишним.

Пиала в моих руках была крошечной, почти игрушечной, но от неё исходил такой аромат, что у меня голова шла кругом. Чай был терпким, с лёгкой горчинкой и цветочным послевкусием. Я отхлебнул маленький глоток и зажмурился от удовольствия.

— Хорош, — выдохнул я, обращаясь скорее к самому себе, чем к собеседнику.

Фархад ибн-Аббас аль-Наджи понимающе улыбнулся и, взяв с тарелочки кусочек рахат-лукума, обмакнул его в мёд, стоявший тут же в крошечной серебряной розетке.

— Это не просто чай, молодой мастер, — произнёс он с той же певучей интонацией, от которой у меня внутри всё размякало. — Это зелёный чай с лепестками горного жасмина и cedрой плода, что растёт лишь в одной долине нашего халифата. Его собирают девственницы на рассвете, а сушат...

— ...на груди у танцовщиц, — закончил я за него с ироничной улыбкой, вспомнив бесконечные рассказы Лориэна о восточных чудесах.

Фархад рассмеялся — громко, искренне, от души.

— О нет, друг мой. Сушат его старики, в тени, под специальными навесами. Танцовщицы — это уже из другой оперы, — он подмигнул мне, и мы оба понимающе хмыкнули.

Я откусил кусочек лукума. Сладость взорвалась на языке, смешиваясь с горчинкой чая, и я понял, что давно не испытывал такого чистого, ничем не замутнённого наслаждения. Рядом с нами, на низком столике, дымился чайник, и слуги бесшумно подливали кипяток, когда чай в пиалах заканчивался.

Мы ели молча, смакуя каждый кусочек. Фархад, казалось, был погружён в свои мысли, но я чувствовал на себе его внимательный, изучающий взгляд. Он не торопил, не давил. Просто давал мне время насладиться моментом и, видимо, собирался с мыслями.

Наконец, когда я дожевал засахаренный орешек и запил его очередным глотком чая, Фархад как бы невзначай, словно речь шла о погоде или виде с террасы, поинтересовался:

— Так что же, мастер Андрей, привело тебя в наш благословенный Шамсахар? Что подвигло покинуть Империю?

Вопрос повис в воздухе. Я ожидал его, но всё равно внутри что-то дрогнуло. Допивать чай расхотелось. Я поставил пиалу на столик, откинулся на подушки и, глядя на белоснежные горные вершины вдалеке, начал рассказывать.

— Всё началось с учёбы в Имперской академии магии, — произнёс я, чувствуя, как слова даются тяжело, но почему-то хочется выговориться этому человеку с хитринкой в глазах. —

Я, видите ли, оказался там не самым последним в пространственной магии. Даже, скажем так, подавал надежды.

Фархад чуть наклонил голову, показывая, что слушает внимательно.

— Академия быстро смекнула, что грех не использовать такой талант, — усмехнулся я. — Меня отправили на практику. Работал порталщиком. Деньги капали, часть уходила в кассу академии. Вроде бы и справедливо — знания стоят дорого. Но однажды... — я замолчал, подбирая слова.

— Да? — мягко подтолкнул меня Фархад.

— Однажды, возвращаясь с практики, я столкнулся с компанией благородных. Они были из Академии, с боевого факультета, высокородные, самоуверенные. Слово за слово, поспорили... — я поморщился, вспоминая ту ситуацию. — В общем, всё закончилось магической дуэлью.

Фархад оживился. В его глазах загорелся неподдельный интерес.

— Дуэль? Магическая дуэль между... прости, между кем и кем?

— Между мной, безродным селянином, и высокородным огневиком с боевого факультета, — ответил я, и на моих губах появилась невесёлая усмешка. — По всем законам сословного общества такой дуэли не могло быть в принципе. Я и апеллировал к наставникам, мол, так не положено. Но там, видимо, решили, что показательная порка безродного выскочки — это очень интересное и забавное мероприятие.

— И чем же закончилась эта... показательная порка? — спросил Фархад, и в его голосе послышались нотки, которые я не мог идентифицировать — то ли любопытство, то ли восхищение.

Я посмотрел ему прямо в глаза.

— Мой соперник погиб. Ну, погиб и погиб, с кем не бывает. Но он был... высокородным. Это стало проблемой.

Фархад на мгновение замер, переваривая информацию, а потом его лицо озарилось искренним, живым интересом.

— Погоди, погоди, молодой мастер. Это самое интересное. Как? Как безродный ученик-портальщик смог противостоять боевому магу-стихийнику?

Я немного замялся, но решил не скрывать. В конце концов, это была моя техника, моя гордость, и скрывать её здесь, на этой уютной террасе, не было смысла.

— Я использовал портал как щит, — начал я, снова беря в руки пиалу. — Все его огненные шары, стрелы, копья — всё это влетало в открытый мной портал и выходило скрытно в отдалении. Он атаковал, но не видел, куда уходит его сила. А когда он решил применить самую

мощную технику, которую только мог сотворить... — я сделал глоток чая, — я принял её в портал. Но выходной портал разместил прямо у него за спиной.

На лице Фархада расцвела широкая, одобрительная улыбка.

— Остроумно, — протянул он, смакуя слово. — Необычно. Свежо, я бы даже сказал. Позволить магу самому себя уничтожить... — он покачал головой. — Да, такого я ещё не слышал.

— Ты говоришь об этом так, будто пересказываешь чужую историю, — заметил Фархад, наливая мне чая. — А сам? Как ты к этому относишься?

Я задумался. Никто раньше не задавал мне этого вопроса.

— По-разному, — признался я. — Иногда кажется, что я просто защищался. Иногда... снится. Не сам бой. А лица тех, кто смотрел. Наставники, другие ученики. Они знали, чем всё кончится. Им было любопытно.

Фархад покачал головой.

— Свидетели, которые не вмешались, чтобы остановить преступление, — такие же преступники, молодой мастер. Запомни это.

Я улыбнулся в ответ, чувствуя, как напряжение отпускает.

— После этого Академия решила замести дело побыстрее. Знали, что я хороший порталщик, поэтому не стали казнить или сажать в темницу. Просто сплывили с глаз долой в дальнее баронство, с запретом на посещение столицы Империи. И всё.

Фархад слушал, не перебивая, лишь изредка кивая и прихлёбывая чай.

— В баронстве я работал на барона, открывал порталы для его торговых караванов, — продолжил я. — А в свободное время, спасибо старому трактату магистра Альдрика, научился изготавливать артефакты. Пространственные сумки, камни возвращения... Потихоньку встал на ноги.

Я немного помолчал, собираясь с мыслями, и добавил:

— Правда, однажды на меня напали трое наёмников.

— Наёмников? — Фархад приподнял бровь. — Это интересно. Расскажи-ка поподробнее.

— Да чего там подробного, — я небрежно махнул рукой. — Двоих я срезал порталами. Вернее, они сами на них наскочили. А третьего... — я усмехнулся, — застрелил из его же арбалета. Он так испугался, что сам мне его отдал. Как-то так.

Фархад хмыкнул, и в его глазах мелькнула лукавая искорка.

— Забавно получается, мастер Андрей. Все твои противники как-то... неудачно погибают. — Он сделал паузу и добавил: — Но такое случается. Нередко, скажу я тебе.

Я кивнул, соглашаясь.

— Далее — больше. В портовом городе я встретил заморского купца Шахрияра аль-Джанаби. Он рассказал мне о Шамсахаре. И, что важнее, предложил продавать ему мои артефакты в два раза дороже, чем покупал барон. Видимо, барон неплохо на мне наживался.

Я допил чай, и Фархад жестом велел слуге наполнить пиалу снова.

— А потом была драка в таверне, — продолжил я, не вдаваясь в подробности. — Двое моряков... или, может, наёмников. Неважно. Они тоже неудачно погибли. Барон озверел, наложил на меня вергельд, запретил покидать замок. Но к тому времени у меня уже был план.

— Какой же? — Фархад подался вперёд.

— Я изготовил камень возвращения из драгоценного агата, — сказал я, и в моём голосе прозвучала гордость. — За него пришлось заплатить сто пятьдесят золотых крон.

Фархад присвистнул.

— Сто пятьдесят? Для молодого мастера это весьма серьёзная сумма.

— Мои артефакты ценятся, — просто ответил я. — Я честно заработал эти деньги. Долго и тяжело напивал агат магической силой, но справился. Половинку артефакта передал тому самому заморскому купцу, и он отправил её в Шамсахар. А вторую половинку...

Я полез в бездонный карман мантии и извлёк оттуда обе половинки агата.

— С помощью этого артефакта я и попал сюда. Прямо в фонтан на главной площади.

Фархад смотрел на артефакт, лежащий на моей ладони, и в его взгляде читалось неподдельное уважение.

— Хм-м, — задумчиво протянул он, откидываясь на подушки и прихлёбывая чай. — Удивительная история, мастер Андрей. И заметь, я тебе сразу сказал — ты необычный гость.

Он немного помолчал, собираясь с мыслями, и изрёк:

— Да. Удивительная история. И, позволь заметить, ты не просто маг. Ты сильный маг. И, что не менее важно, талантливый. Такие люди, как ты, у нас в цене.

Я почувствовал, как от его слов по спине пробежал приятный холодок. Кажется, моё решение бежать в Шамсахар было самым верным решением в моей новой жизни.

Сидя на подушках, я чувствовал, как от выпитого чая по телу разливается приятное, успокаивающее тепло. Фархад ибн-Аббас аль-Наджи допил свою пиалу, поставил её на столик и вдруг замер. Его взгляд изменился — он словно посмотрел сквозь меня, сквозь террасу,

сквозь сам этот дом, куда-то вдаль, где решались судьбы. На его лице появилось выражение глубокой, сосредоточенной задумчивости. А потом он словно принял какое-то важное, выстраданное решение.

Он повернулся ко мне, и его глаза снова стали живыми, тёплыми, но теперь в них появилась ещё и твёрдость.

— Уважаемый мастер Андрей, — начал он тем особенным тоном, который сразу выдавал всю серьёзность момента. — Позволь мне обратиться к тебе с предложением, которое идёт от самого сердца и, смею надеяться, будет созвучно твоим устремлениям.

Он сделал паузу, и я почувствовал, как воздух вокруг нас словно сгустился.

— Я предлагаю тебе принять службу. Службу не кому-нибудь, а самому досточтимому, наимудрейшему и великодушному Повелителю Шамсахара, Шахиншаху Джалаладдину, да продлятся его дни и да пребудет с ним благословение небес.

Я замер. Вот это поворот.

Фархад, видимо, заметил моё замешательство и чуть заметно улыбнулся, но продолжил всё тем же проникновенным голосом:

— Дело в том, что я являюсь начальником особого ведомства — Шамс аль-Хавийя, что в переводе с нашего языка означает «Солнце Бездны». Это специальная Тайная магическая стража, в задачи которой входит противодействие магам-ренегатам, отступникам от воли Повелителя, а также иным магическим существам и тварям, что покушаются на спокойствие и власть нашего господина.

Он произнёс это с такой торжественностью, что я невольно выпрямился на подушках.

— И, — добавил он, чуть склонив голову набок, — всего лишь один маленький нюанс.

Он сделал многозначительную паузу, а затем, понизив голос почти до шёпота, с хитрой ухмылкой произнёс:

— Всё дело в том, что моё ведомство, конечно же, тайное. Но... — он развёл руками, — о моих бойцах, моей боевой группы — лучей «Солнца Бездны», слышал каждый в Шамсахаре. А уж в Багдашаре — точно знают всех поименно.

Я опешил от такой откровенности.

— Уважаемый Фархад, — вырвалось у меня, — но как же так? Если оно тайное, а вас знают все...

Фархад откинулся на подушки и рассмеялся — мягко, но с явным удовольствием от моей реакции.

— А это, молодой мастер, гениальный ход, придуманный лично наимудрейшим Повелителем, — он снова произнёс титул с тем же благоговением. — Посуди сам. Тайная стража, о

которой никто не знает, — это пустое место. А тайная стража, о существовании которой все знают, о могучих воинах, что в неё входят, и какой угрожающей силой они обладают... — он поднял палец вверх. — Это уже не просто стража. Это неотвратимое наказание, меч, что всегда висит над головой каждого, кто посмеет противиться воле Повелителя. Мы должны быть у всех на виду как символ.

Я слушал, раскрыв рот. Логика была безупречной.

— Так вот, уважаемый мастер Андрей, — Фархад снова посерьёзней. — Я предлагаю тебе вступить в ряды «Солнца Бездны», стать одним из лучей и встать под мою руку на службу нашему великому Повелителю.

Предложение меня ошеломило настолько, что первые слова вырвались раньше, чем я успел их обдумать:

— Я? Но я же... я всего лишь порталщик. Я артефакты делаю, порталы открываю. Какое там... противодействие магам-ренегатам?

Фархад посмотрел на меня с доброй, чуть снисходительной улыбкой.

— Мастер Андрей, — начал он терпеливо, как учитель, объясняющий непонятливому ученику простую истину. — Ты не просто порталщик. Ты сильный порталщик. Очень сильный, с большим потенциалом. Более того, — он хитро прищурился, — у тебя есть опыт. Боевой опыт. И пусть этот опыт не был получен на полях сражений, но, как я понимаю, он был вполне... эффективным.

Я вспомнил дуэль на арене, наёмников. Вспомнил таверну. Поежился.

— А такие решительные и деятельные маги, — продолжил Фархад, — мне нравятся. Очень нравятся. В моём ведомстве нужны не просто исполнители, а люди, способные мыслить нестандартно и действовать быстро. Ты, судя по всему, именно такой.

Он выдержал паузу и посмотрел мне прямо в глаза.

— Так что ты ответишь, мастер Андрей? Готов ли ты принять моё предложение?

Внутри у меня всё запылало. Это был не просто шанс на новую жизнь — это был шанс на жизнь, полную смысла, на защищённость, на принадлежность к чему-то большему.

— Я согласен, уважаемый Фархад, — выпалил я, чувствуя, как от волнения пересыхает в горле. — Более того, я... я рад. Очень рад быть полезным.

Фархад расплылся в довольной, тёплой улыбке.

— Твои слова, мастер Андрей, радуют моё сердце. — Он приложил руку к груди в лёгком поклоне. — Но здесь есть один маленький нюанс.

Слово «маленький» он произнёс с той самой хитринкой, которая уже начала мне нравиться.

— Служба в наших рядах — дело ответственное. Каждый новый воин должен быть согласован лично с Повелителем. А после этого... — он сделал паузу, — ты должен будешь пройти испытание. И только тогда, доказав свою силу, ум и преданность, ты сможешь стать полноценным «Лучом» — Шамс аль-Муктадир.

— Я готов, — ответил я, не раздумывая ни секунды. — К любым испытаниям.

Фархад удовлетворённо кивнул, и в его глазах мелькнуло одобрение.

— Хороший ответ. Достойный ответ.

Он поднялся с подушек с удивительной для его комплекции лёгкостью, поправил полы роскошного халата и обвёл взглядом террасу.

— А пока, уважаемый мастер, ты будешь проживать в этом доме. Это теперь твоё временное пристанище. — Он указал рукой в сторону дверей, откуда появлялись слуги. — Обращайся к ним с любыми просьбами. Они предупреждены и будут выполнять твои поручения, обеспечивать тебе надлежащее проживание. Еда, вода, чистая одежда — всё, что пожелаешь.

Я благодарно кивнул.

— А теперь, уважаемый мастер, я попрошу тебя покинуть ковёр. Мне нужно ненадолго отлучиться. Дела, знаешь ли, государственной важности.

Я поспешно вскочил, чуть не запнувшись в подушках, и отошёл к краю террасы.

Глава 2

2

Ковёр под Фархадом дрогнул, края его слегка приподнялись. Потом, плавно, без единого звука, он оторвался от каменных плит. Сантиметр, другой, третий. Вот он уже парил в воздухе на уровне моей груди, и ветерок слегка колыхал его тяжёлую бахромку.

Фархад помахал мне рукой и что-то крикнул, но ветер унёс его слова в сторону.

Ковёр начал медленно подниматься выше. Сначала он проплыл над крышей дома, заслонив на мгновение солнце, а затем, набрав высоту, плавно развернулся и взял курс на центр города.

Я с интересом смотрел, как он удаляется. Сначала ещё можно было разглядеть фигуру Фархада, возлежащего на подушках, потом ковёр превратился в маленькое пёстрое пятнышко, а затем и вовсе исчез в мареве горячего воздуха.

Я остался один.

Терраса была небольшой, но уютной. Каменные плиты, резные перила, за которыми открывался вид на окрестные крыши и зелень садов. Я прошёлся по ней, разминая ноги после долгого сидения на подушках, и вдруг заметил в углу, у самой стены дома, изящную винтовую лестницу, уходящую вниз.

Любопытство взяло верх. Я подошёл к лестнице, потрогал перила — тёплое, нагретое солнцем дерево, искусно вырезанное, с восточными узорами — и начал спускаться.

Ступеньки привели меня в небольшой внутренний дворик, вымощенный всё тем же светлым камнем. В центре его журчал крошечный фонтанчик — тонкая струйка воды стекала по каменным чашам, наполняя воздух прохладой и лёгким, успокаивающим звуком.

А за двориком открывался сад.

Небольшой, но ухоженный до такой степени, что казался нарисованным. Ровно подстриженная ярко-зелёная трава, как газон на стадионе в моём мире. Вдоль дорожек, посыпанных мелким белым камнем, росли кусты, подстриженные в форме идеальных шаров и конусов. Чуть дальше, в тени, расположились плодовые деревья — я узнал гранаты с их красно-оранжевыми цветами, инжир с широкими резными листьями и ещё какие-то, незнакомые мне, усыпанные мелкими жёлтыми плодами.

Воздух здесь был совсем другим — густым, сладким, пропитанным ароматами цветов и нагретой на солнце листвы.

Я побрёл по дорожке, вдыхая этот райский запах и ощущая, как жара становится всё ощутимее. Солнце здесь, в Шамсахаре, пекло совсем не так, как в Империи. Оно было каким-то... плотным, что ли. Тяжёлым.

Взгляд упал на одно из деревьев — раскидистый гранат с густой кроной, отбрасывающей большую, спасительную тень. Под ним стояла удобная скамейка, сколоченная из широких, гладко отшлифованных досок, с небольшой спинкой.

Я подошёл к ней. Снял с плеча свою личную пространственную сумку, положил её рядом. Потом стянул мантию, бережно расправил и сложил на скамейку, рядом с сумкой. Сам присел, откинулся на спинку и вытянул ноги.

Тишина. Только журчит фонтан во дворике, где-то вдалеке щебечут птицы, да ветерок шелестит листвой граната.

Я глубоко вздохнул, впуская в себя ароматы сада, и почувствовал, как напряжение последних недель, месяцев — всей этой безумной гонки — потихоньку отпускает меня, тает в тёплом воздухе Шамсахара.

Фархад ибн-Аббас аль-Наджи ступил под своды дворца, и привычная тяжесть каменной громады накрыла его с головой. Здесь, в этой цитадели власти, даже он, ближайший соратник и опора трона, был лишь пешеходом. Никаких ковров-самолётов, никаких порталов — монументальное сооружение, возведённое ещё прадедом нынешнего Повелителя, было пронизано древней магией, блокирующей любые попытки перемещения, кроме как на своих двоих.

Коридоры сменялись переходами, переходы — анфиладами залов, где стража в парадных доспехах замирала при его приближении, провожая почтительными взглядами. Наконец он оказался перед неприметной дверью, что вела в личные покои. У двери, сложив руки на животе, стоял привратник — старик с лицом, изрезанным морщинами, но с глазами, острыми, как у ястреба. Он узнал Фархада мгновенно и без подобострастия, но с глубоким уважением поклонился.

— Да продлятся дни Повелителя, — тихо произнёс Фархад, останавливаясь.

Привратник кивнул, бесшумно приоткрыл малую дверь и скользнул внутрь, словно тень. Фархад ждал, разглядывая затейливую резьбу на дверных панелях — каждая линия здесь имела значение, каждый узор был частью древнего защитного заклинания.

Дверь приоткрылась снова, и привратник, выскользнув наружу, едва заметно кивнул:

— Повелитель примет тебя, уважаемый.

Фархад перешагнул порог.

Приёмный покой встретил его полумраком и прохладой. Шёлковые ткани на окнах приглушали дневной свет, делая его мягким, рассеянным. Посреди комнаты, на невысоком возвышении, устланном изящными расшитыми подушками, сидел Повелитель.

Шахиншах Джалаладдин был один. На нём не было парадных одежд — только лёгкий домашний халат из тончайшего шёлка, расшитый золотыми нитями, да простая, без украшений, тафья на голове. Он казался расслабленным, но Фархад, знавший его десятилетиями, видел за этой расслабленностью острый, внимательный ум, готовый в любой момент включиться в игру.

Фархад поклонился — низко, от всей души, вкладывая в этот жест всю свою преданность.

— Встань, старый друг, — раздался спокойный, чуть насмешливый голос Повелителя. — Садись рядом. Рассказывай, с чем пришёл.

Фархад выпрямился и, подойдя к возвышению, опустился на подушки напротив Повелителя. Сначала, по этикету, следовало приветствие.

— Да будет бесконечным твоё правление, о великий господин, — начал он тем особым, витиеватым тоном, который использовался только в этих стенах. — Да пребудет с тобой мудрость предков и благословение небес. Солнце Шамсахара светит лишь благодаря тебе, и тени врагов твоих да рассеются, как утренний туман.

Повелитель усмехнулся, махнув рукой.

— Фархад, друг мой, мы не на приёме послов. Говори по делу. Я вижу в твоих глазах тот самый огонёк, который появляется, когда ты находишь что-то... интересное.

Фархад позволил себе лёгкую улыбку — здесь, наедине с Повелителем, можно было позволить себе чуть больше, чем при посторонних.

— Ты прав, великий господин. Я нашёл очень перспективного пространственного мага. И хочу взять его на службу в моё подразделение.

Повелитель чуть нахмурился, и в его глазах мелькнуло любопытство.

— Пространственный маг? — переспросил он. — Для чего он тебе? Чем тебе не может помочь мой личный пространственный маг, уважаемый Джафар аль-Рашид? Он один из сильнейших, кого я знаю.

Фархад покачал головой, сохраняя почтительное выражение лица.

— О великий господин, у Джафара аль-Рашида есть своя, важнейшая задача — быть всегда рядом с тобой, обеспечивать твою безопасность и выполнять твои личные повеления. А в моём подразделении такой маг послужит для большей оперативности и мобильности. Мы — «Лучи Солнца Бездны», мы должны быть везде и сразу. Исполнять твою волю быстрее, чем ветер. Собственный порталщик в боевой группе — это не роскошь, это необходимость.

Повелитель задумчиво погладил бороду.

— И как же зовут этого твоего... перспективного мага?

— Андрей, великий господин. Он из Империи Аэндор. Беглый мастер-портальщик, обиженный тамошними порядками. Я уже успел с ним поговорить. У него интересная история и, что важнее, интересные способности.

Повелитель немного помолчал, переваривая информацию, а затем кивнул.

— Хорошо, Фархад. Я позволяю тебе принять нового члена в ряды «Лучей». Но... — он поднял палец, — ты же знаешь наши порядки. Испытание. Каким образом ты собираешься его провести?

Фархад внутренне улыбнулся. Он знал, что этот вопрос последует, и подготовил ответ заранее.

— О великий господин, — начал он с лёгкой, едва заметной хитринкой в голосе, — в новой, только что построенной специальной тюрьме для магов, той, что возвели по твоему приказу за северной стеной, ещё не завершена защита от пространственных перемещений. Стены крепки, решётки надёжны, но опытный портальщик сможет открыть окно и исчезнуть. Это недопустимо для такого учреждения.

Он сделал паузу, давая Повелителю осмыслить услышанное.

— Я предлагаю поручить этому Андрею завершить защитный контур, блокирующий любые попытки открыть портал внутри тюрьмы. Это сложнейшая магическая задача, требующая не просто силы, а очень много силы и понимания структуры пространства. Если он справится, значит, он достоин служить великому Повелителю в ближнем кругу.

Повелитель выслушал, и на его лице расплылась широкая, понимающая ухмылка.

— Фархад, друг мой, — сказал он, и в его голосе зазвучали тёплые, почти отеческие нотки, — ты хочешь забрать конфету у моего личного портальщика? Тебе стало скучно жить? Джафар аль-Рашид, конечно, лучший, и он нужен здесь. Но ты хочешь, чтобы какой-то имперский беглец делал работу, которую обычно поручают лучшим из лучших, и главное — отдать беглецу плату за такую работу.

Фархад изобразил лёгкое испуг, но в глазах его плясали смешинки.

— О нет, великий господин! — воскликнул он с показным ужасом. — Это всего лишь испытание. И если мой новый воин сможет напитать столь сложный магический конструкт, если его силы хватит на то, чтобы заблокировать пространство в целой тюрьме, — значит, он действительно силён. И, что важнее, значит, он сможет быть полезен тебе, великий господин, на тех задачах, где оперативность и внезапность решают всё.

Повелитель рассмеялся — открыто, искренне.

— Я понял тебя, Фархад. Твой опыт в придворных интригах, как всегда, доставляет мне удовольствие. — Он покачал головой, но в его глазах светилось одобрение. — Что ж, я позволяю провести это испытание. Посмотрим, на что способен твой новый человек. Если он справится с такой задачей, я, возможно, сам захочу с ним познакомиться.

Фархад, даже сидя на подушках, исполнил глубокий, исполненный благодарности поклон.

— Твоя милость безгранична, великий господин. Да продлятся твои дни.

— Иди уже, интриган, — махнул рукой Повелитель, но в его голосе звучала тёплая, дружеская нотка. — И помни: я буду следить за этим твоим... Андреем.

Фархад поднялся, пятясь, отошёл к двери, и, только оказавшись за порогом, позволил себе удовлетворённо улыбнуться.

План сработал. Испытание одобрено. Теперь дело за малым — за самим Андреем.

Фархад ибн-Аббас аль-Наджи ступал по мраморным плитам дворцовых коридоров, и каждый его шаг отдавался лёгким, почти неслышным эхом. Он шёл не спеша, позволяя себе насладиться моментом. Губы его то и дело трогала едва заметная, довольная улыбка.

Маленькая победа. Нет, не маленькая. Весьма убедительная.

Во-первых, для Андрея придумано идеальное испытание. И не просто испытание, а настоящая, серьёзная работа, за которую казна заплатит отдельно. Фархад уже прикидывал в уме сумму — щедрую, очень щедрую. Чтобы молодой мастер мог не просто чувствовать себя обласканным судьбой, а действительно встать на ноги. Дом, прислуга, достойное существование — всё это будет у него, если он справится. А он справится. Фархад почему-то не сомневался.

Во-вторых... здесь улыбка Фархада стала чуть шире, чуть лукавее.

Джафар аль-Рашид. Этот надменный тип, мнящий себя владыкой пространства, получит щелчок по носу. Пусть знает, что не он один в Шамсахаре умеет работать с пространством. Пусть знает, что у Повелителя теперь есть выбор. Фархад представил кислое лицо придворного мага, когда тот узнает, что какой-то беглый имперец взялся за работу, которую сам Джафар счёл бы желанной.

Фархад тихонько хмыкнул, проходя мимо очередного стража, который почтительно склонил голову.

На выходе из дворца Фархад не стал пользоваться парадными воротами. Он свернул в узкий, неприметный проход, известный лишь немногим, и через несколько минут оказался у запасного выхода — небольшой арки, скрытой в тени высокой стены.

Здесь, на пустынной площадке, его ждал ковёр.

Фархад шагнул на мягкую, расшитую золотом поверхность и с наслаждением опустился на подушки. Но прежде чем отдать мысленную команду, он хлопнул себя по лбу.

— Ах ты старый интриган, — пробормотал он себе под нос. — Чуть не забыл о самом главном.

Андрей не знает языка. Он, конечно, бойкий и сообразительный, но пока он выучит наречие Шамсахара самостоятельно... Это могло затянуться на месяцы. А время, как известно, не ждёт.

— Сначала к себе, — решил Фархад. — Надо взять артефакт.

Он мысленно скомандовал коври, и тот, плавно покачиваясь, начал подниматься в воздух. Вскоре стены дворца остались далеко внизу, а ветерок приятно засвистел в ушах.

Фархад откинулся на подушки, глядя на проплывающие под ним крыши столицы. Солнце клонилось к закату, окрашивая город в тёплые, золотистые тона. Хороший день. Очень хороший день.

Моё безмятежное времяпрепровождение в тени гранатового дерева на этой райской скамье прервалось внезапно, как удар грома среди ясного неба.

Мысль пришла из ниоткуда и впиалась в мозг раскалённой иглой: я же не знаю языка!

Как я мог забыть об этом?! Всё это время — разговор с Фархадом, его витиеватые речи, мои ответы — мы говорили на имперском! Он знал язык, а я, дурак, успокоился и даже не подумал о завтрашнем дне.

Я сел на скамейке, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

Что делать? Как влиться в общество, если я даже не понимаю, о чём говорят вокруг? Прислуга в доме... может, они знают имперский? Вряд ли. Я же в другой стране, чёрт возьми! Здесь нет того доброго кузнеца, который помог мне освоить имперский язык, когда я только попал в этот мир. Нет Лоризна, готового объяснять тот или иной термин. Я один.

Надо мыслить конструктивно.

Вариант первый. Если меня не согласуют, то можно устроиться в артефакторную мастерскую. Да, звучит здраво. У меня с собой образцы — камни возвращения, пространственные сумки, и личная. Любой мастер, увидев их, поймёт, что я умею. А язык... язык приложится. Буду показывать жестами, рисовать схемы, в конце концов, магия — она интернациональна.

Вариант второй. Более амбициозный. У меня есть золото. Много золота. И артефакты, которые можно продать. Может, хватит на небольшую торговую лавку? Посадить туда продавца, который знает местный язык, а самому сидеть в мастерской и клепать артефакты. Тихо, мирно, ни от кого не зависимо.

Я даже приободрился, представив себя владельцем собственного дела.

И тут же мысленно укорил себя: дурак, надо было прихватить трактат старого магистра! С ним я мог бы расширить ассортимент, делать не только сумки и камни, но и те артефакты, что выписал на листок — «Паутинку Безмолвия», «Линзу Искращения».

Я вздохнул. Ладно, второй вариант кажется более надёжным. Вернуться в порт, как и планировал изначально, и начать оттуда. Там много иностранцев, там проще освоиться и найти выход на местных торговцев.

Я уже собрался встать, чтобы идти обдумывать детали, как вдруг краем глаза уловил знакомое движение в небе.

Тот самый ковёр-самолёт. Он плавно снижался, направляясь прямо к террасе на втором этаже.

Фархад вернулся!

Я вскочил со скамейки, на ходу накидывая мантию и хватая сумку. Сердце колотилось где-то в горле. Нужно спросить его. Он же явно влиятельный человек, он должен знать, как быть!

Взлетев по винтовой лестнице, я выскочил на террасу и чуть не врезался в навес, под которым на роскошных подушках уже восседал Фархад.

Я замер, запыхавшийся, растрёпанный, с сумкой в одной руке и мантией, накинутой кое-как на плечи. И не знал, что сказать. Все вопросы, которые я мысленно репетировал по дороге, вылетели из головы.

Фархад окинул меня быстрым, но внимательным взглядом. Его глаза, эти хитрые, всё подмечающие глаза, сразу оценили моё состояние. Он не стал задавать вопросов. Вместо этого он широко, дружелюбно улыбнулся и жестом указал на подушки рядом с собой.

— Присаживайся, молодой мастер, — произнёс он на имперском, и от его спокойного, обнадеживающего тона паника внутри меня немного отступила.

Глава 3

3

Он бросил короткую фразу на незнакомом языке в сторону двери, откуда тут же выскользнул один из слуг. Должно быть, отдал распоряжение.

— Ну что ж, — Фархад повернулся ко мне, и его лицо сияло доброжелательностью. — Поздравляю тебя, мастер Андрей. Пока всё идёт очень хорошо. Твоё испытание утверждено. Великий, наимудрейший, досточтимый Повелитель Шамсахара, Шахиншах Джалаладдин, да продлятся его дни и да пребудет с ним благословение всех стихий, соблаговолил позволить тебе пройти испытание и, если окажешься достоин, встать в ряды «Лучей Солнца Бездны» под мою руку.

Он произнёс это с такой торжественностью, что я невольно выпрямился.

— Завтра, — продолжил Фархад, — ты продемонстрируешь свои возможности.

Я сглотнул.

— А что... что именно мне нужно будет сделать? К чему готовиться? — спросил я, чувствуя, как внутри снова зашевелился страх неизвестности.

Фархад отмахнулся с лёгкостью, которая меня удивила.

— О, ничего особенного. Всего лишь надо будет напитать магической силой защитный контур недавно построенной тюрьмы для содержания опасных преступников, владеющих магией.

Я уставился на него, не веря своим ушам.

— Всего лишь? — переспросил я. — Уважаемый Фархад, но... в чём сложность? Любой маг может пропускать через себя силу из нитей, что пронизывают пространство. Другой вопрос, что кто-то делает это лучше, кто-то хуже. Но почему это является для меня испытанием?

Фархад улыбнулся, и в его улыбке мелькнуло что-то... учительское, что ли. Он откинулся на подушки, приняв более удобную позу, и заговорил тем тоном, каким опытный наставник объясняет прописные истины нерадивому ученику.

— Извини, молодой мастер, но я вижу небольшой пробел в твоём обучении. Позволь мне восполнить его.

Я весь превратился в слух.

— Видишь ли, — начал Фархад, — ценность мага заключается не просто в умении пропускать через себя силу. Это умеют все, даже слабенькие недоучки. Ценность в том, каким аспектом ты эту силу насыщаешь. Пропуская нити через себя, ты наполняешь их своей сутью,

своей стихией. Ты — пространственный маг. Значит, сила, прошедшая через тебя, приобретает пространственный аспект. В этом и заключается её уникальность.

Он сделал паузу, давая мне осмыслить сказанное.

— Огненный маг никогда не сможет создать пространственный артефакт, как и ты, скорее всего, не сможешь сотворить огненную технику. Это разные аспекты.

— А Повелитель? — вырвалось у меня. — Вы говорили, он...

— Да, — Фархад просиял гордостью. — Наш великий господин обладает двумя, казалось бы, взаимно противоречащими аспектами. Он одновременно маг Огня и маг Воды. Невообразимой силы сочетание! Представь: с одной стороны, Повелитель — великий воин, чей огонь испепеляет врагов. А с другой — он обладатель животворящей силы, ведь вода — основа всей жизни. Это дар небес, знак свыше.

Он помолчал, давая мне проникнуться величием своего господина, а затем вернулся к моей скромной персоне.

— Но вернёмся к тебе. Я видел твою гордость, когда ты рассказывал о создании артефактов. И это похвально. Но знай: в столице достаточно талантливых писцов и каллиграфов. И поверь, они не хуже тебя смогут начертать любую магическую руну, любой, самый замысловатый узор. Но без влитой в них магической силы, да ещё и с нужным аспектом, это всего лишь будут красиво раскрашенные заготовки. Пустышки.

Я кивнул, начиная понимать, куда он клонит.

— Более того, — продолжил Фархад, — ты сам можешь нанять человека, который будет делать эту черновую работу за тебя. Писца, каллиграфа. Тебе останется лишь насыщать готовые изделия силой. А можешь даже и купить кого-нибудь.

— Купить? — я опешил. — Раба? Но как это возможно? Я...

— А что тебя так взволновало, мастер? — перебил меня Фархад, и в его глазах заплясали знакомые хитринки. — Что в этом плохого?

Я замялся. В моём мире, в моём прошлом мире, рабство было злом. Но здесь...

— Но как можно владеть разумным, живым человеком? — вырвалось у меня.

Фархад посмотрел на меня с лёгкой, снисходительной улыбкой.

— А что в этом плохого, если подумать? — спросил он. — Конечно, бывают разные перегибы, жестокие хозяева. Но представь другую ситуацию. Допустим, ты без средств к существованию. У тебя долги, тебя преследуют кредиторы, тебе негде жить и нечего есть. И тут ты попадаешь на службу к достойному, честному господину. Он решает все твои проблемы. Тебе не нужно думать о том, что поесть сегодня, где спать, во что одеться. Ты просто делаешь свою работу честно, ведёшь себя достойно. И господин, видя это, относится к тебе хорошо. Он кор-

мит тебя, одевает, решает твои проблемы, закрывает долги. А со временем, если ты проявишь себя, может и вовсе даровать тебе свободу и предложить остаться служить уже по найму.

Он сделал паузу и многозначительно подмигнул.

— А если этот господин ещё и занимает определённое положение в обществе... — он выразительно покрутил пальцем, униженным перстнями, — то служить такому господину, да даже и быть его рабом, стоит очень и очень многого. Подумай об этом, молодой мастер. Не всё так однозначно.

Я задумался. В его словах была своя, пугающая, но логика. Мир, в который я попал, был жесток и несправедлив по меркам моей прошлой жизни. И мне придётся учиться в нём жить.

— А сейчас, — Фархад прервал мои размышления, — возьми эту вещь в руки.

Он потянулся куда-то под подушки и извлёк небольшой, искусно отделанный сундучок. Откинув крышку, он достал оттуда предмет, который на первый взгляд показался мне просто деревянным шаром. Но приглядевшись, я увидел, что вся его поверхность покрыта тончайшей резьбой.

Фархад протянул мне шар.

— Видишь эти линии, Андрей? — спросил он, указывая пальцем на две симметричные впадины на поверхности, изображающие, как мне показалось, контуры человеческих ладоней. — Вот эти, изображающие кисти рук. Приложи к ним свои ладони. Правильно, вот так.

Я осторожно наложил свои руки на тёплую, гладкую поверхность шара, совместив пальцы с линиями.

И мир взорвался.

Нет, не так. Моё сознание... оно вспыхнуло. Миллионы искр, миллионы образов, звуков, слов, понятий ворвались в мой мозг одновременно, разрывая его на части. Я не успел даже испугаться — просто провалился в ослепительную бездну, где не было ни верха, ни низа, ни времени, ни пространства.

Очнулся я от того, что кто-то мягко, но настойчиво поддерживал мою голову. Открыл глаза. Фархад склонялся надо мной, и его губы шевелились, произнося слова на незнакомом языке.

И я понял каждое.

— Ну как? Как чувствуешь себя, молодой мастер?

— Голова гудит, — признался я. И добавил на их языке, смакуя новые, но такие знакомые звуки: — Но я вас понимаю.

Каждое слово, каждый звук обрёл смысл. Я не просто понял — я знал этот язык как свой родной. Знал, как будто говорил на нём всю жизнь. Грамматика, слова, идиомы — всё это было теперь частью меня, вплавленное в сознание той ослепительной вспышкой.

Я хотел спросить, откуда взялся этот артефакт, сколько он стоит, можно ли его использовать для других языков, но голова гудела сильнее, и я решил оставить вопросы на потом.

Фархад расплылся в довольной улыбке.

— Это пройдёт. Скоро ты и не вспомнишь, что когда-то не знал нашего языка. А теперь, — он похлопал меня по плечу, — отдыхай. Завтра важный день.

Я откинулся на подушки, всё ещё чувствуя лёгкое головокружение. Гул в голове постепенно стихал, уступая место усталости и какому-то странному, новому ощущению — будто мир вокруг стал чуточку понятнее, чуточку ближе.

Я знал язык. Теперь я действительно был здесь своим.

— А теперь сойди с ковра, — мягко, но настойчиво попросил меня Фархад. — Мне надо лететь, у меня ещё есть дела. А ты чувствуй себя здесь как дома.

— Хорошо, — только и смог выдавить из себя.

Я шагнул с ковра на каменные плиты террасы. Фархад одобрительно кивнул, мысленно отдал команду, и ковёр плавно вылетел из-под навеса. Несколько мгновений он парил над мной, заслоняя вечернее солнце, а затем медленно, величественно поплыл в сторону центра столицы, туда, где уже зажигались первые огни.

Я смотрел ему вслед, пока пёстрое пятно не растворилось в золотистой дымке заката.

И только тогда я почувствовал, как наваливается усталость. День выдался тот ещё.

Из дверей появились двое слуг. Они несли свёрнутый ковёр, такой же, как у Фархада, только попроще, без золотого шитья. Быстро и сноровисто они расстелили его под навесом, расправив края, и разложили на нём подушки — ровно так, как я только что видел у Фархада.

— Молодой господин не желает ли поужинать? — вежливо осведомился один из них на том самом языке, который теперь был моим.

А действительно, почему бы и нет? Я только сейчас понял, что сильно проголодался.

— С удовольствием, — ответил я, и слуги, поклонившись, бесшумно удалились.

Я устроился на подушках, подложив их под спину и бока, стараясь принять максимально расслабленную позу. Получалось пока не очень, но я учился.

Через некоторое время слуги вернулись. Сначала внесли низенький столик из тёмного полированного дерева с затейливой резьбой по краям и поставили его прямо передо мной на ковёр. А затем на столе начали появляться блюда.

Первым делом — огромное блюдо с мясом. И чего тут только не было! Appetитные куски баранины, жареные до золотистой корочки, рядом с ними — сочная говядина, источающая сок при малейшем прикосновении. Отдельно, на длинных тонких шампурах, дымились люля-кебаб — нежные, румяные, посыпанные зеленью и какими-то пряностями, от которых шёл умопомрачительный дух. Тут же, горкой, лежали куски шашлыка, чередующиеся с кружочками лука и помидоров, запечённых до мягкости. И отдельно, на небольшой тарелочке, нарезанное варёное мясо.

Запах стоял такой, что у меня слюнки потекли мгновенно.

Рядом с мясным блюдом слуги поставили две бутылки. Они были необычными — пузатыми, округлыми, с длинными изящными горлышками, заткнутыми деревянными пробками. Одна — из прозрачного стекла, и сквозь него было видно кристально чистую воду. Вторая — из тёмного, почти чёрного стекла, скрывающего своё содержимое. Рядом с бутылками появились два изящных фужера на тонких ножках — один повыше, для воды, другой пониже, с широкой чашей, явно для вина.

— Молодой господин, — вежливо обратился ко мне слуга, заметив мой вопросительный взгляд, — в этой бутылке чистая питьевая вода из горного источника. А в этой, — он указал на тёмную бутылку, — молодое красное вино, как раз подходящее к мясу. Прошлогодний урожай, лёгкое, приятное.

Я ухмыльнулся.

— А почему бы и нет? — сказал я сам себе.

Взял тёмную бутылку, с усилием вытащил пробку и налил в широкий фужер на два пальца. Вино было густым, тёмно-рубиновым, почти чёрным в полумраке навеса. Поднёс к губам, пригубил.

Оно было великолепно. Приятное, полусладкое, с лёгкой терпкостью, которая приятно щекотала нёбо. И действительно — оно идеально подходило к мясу.

Я отставил фужер и набросился на еду.

Отрывал сочные куски баранины, макал их в пряный соус, что стоял тут же в отдельной пиале, и запивал вином. Люля-кебаб оказался невероятно нежным, с хрустящей корочкой и сочной серединой. Шашлык таял во рту, пропитанный дымком и специями. Я ел и ел, не в силах остановиться, смакуя каждый кусочек, запивая то вином, то водой из горного источника, которая была настолько чистой и мягкой, что казалась почти сладкой.

Как говорится, наелся от пуза.

Да так, что стало даже нехорошо. На подушках сидеть стало совсем невмоготу.

Я с трудом поднялся, чувствуя себя переполненным до краёв сосудом. Прошёл по террасе, стараясь дышать поглубже. Потом спустился по винтовой лестнице во двор и побрёл в сад.

Вечер уже наступил, и дневной жар начал спадать. Воздух стал мягким, напоённым ароматами цветов и нагретой за день листвы. Я просто ходил кругами по садовым дорожкам, наслаждаясь видом старательно подстриженных кустов, тёмной в сумерках зелени, журчанием фонтана вдали. Как говорится, пытался растрясти ужин в желудке.

Нагулявшись вдоволь и почувствовав, что тяжесть отступила, сменившись приятной усталостью, я вернулся на террасу. Меня уже ждал один из слуг.

— Молодой господин, — обратился он почтительно, — где вы желаете почивать? Здесь, под навесом, на свежем воздухе? Или пройдёте в спальню?

Я подумал. Ночь обещала быть тёплой, но спальня... спальня казалась более привычным вариантом. В конце концов, кто знает, какие тут мошки летают по ночам.

— Пожалуй, в спальню, — ответил я.

Слуга поклонился и пригласил меня следовать за ним. Мы подошли к одной из дверей, выходящих на террасу. Он открыл её, пропуская меня вперёд, и я шагнул внутрь.

Спальня оказалась небольшой, но очень уютной. Всё было выдержано в восточном стиле — низкая широкая кровать, застеленная тончайшим шёлковым бельём, с горой подушек всевозможных размеров. Пол устлали мягкие ковры с приглушённым, растительным узором. В углу стоял невысокий резной столик, на котором я сразу заметил вазу со спелыми персиками и виноградом, знакомый фужер и небольшую округлую бутылочку тёмного стекла — явно вино, в качестве импровизированного снотворного.

Слуга помог мне раздеться, сложив мантию на специальную подставку. Я чувствовал себя немного неловко от такой заботы, но, видимо, здесь это было в порядке вещей.

— Спокойной ночи, молодой господин, — произнёс слуга и бесшумно вышел, прикрыв за собой дверь.

Я подошёл к столику, налил в фужер вина на три пальца — того же, что пил за ужином. Пригубил, закусив сладким, сочным персиком, который буквально таял во рту.

Потом подошёл к кровати. Она оказалась на удивление мягкой и удобной — я буквально утонул в подушках, чувствуя, как каждая мышца расслабляется, отпуская напряжение дня.

И провалился в сон — глубокий, спокойный, без сновидений.

Проснулся я рано — солнце ещё только начинало золотить верхушки деревьев за окном, но спать больше не хотелось. Первые несколько секунд я смотрел в незнакомый потолок, пытаюсь сообразить, где нахожусь. А потом память вернулась — и вместе с ней отличное настроение.

Вчерашний день. Фархад. Ковёр-самолёт. Артефакт, вложивший в мою голову знание нового языка. И главное — сегодняшнее испытание, после которого я стану полноправным членом «Лучей Солнца Бездны» — той самой тайной стражи, о которой, по иронии, знает вся столица.

Я широко улыбнулся, глядя в потолок.

В этот момент в дверь постучали.

— Доброе утро, молодой господин! — раздался из-за двери голос вчерашнего слуги. — Позвольте войти?

— Да, входи, — ответил я, приподнимаясь на локтях.

Дверь открылась, и слуга вошёл с лёгким поклоном. Сегодня он был одет так же опрятно, как и вчера, и выглядел бодрым и свежим.

— Молодой господин желает помыться? — осведомился он. — В купели или, может быть, в бассейне?

Я удивлённо моргнул.

— В бассейне? — переспросил я. — А здесь есть бассейн? Мне показалось, я обошёл всю территорию дома и не видел никакого бассейна.

— Есть, молодой господин, — слуга улыбнулся уголками губ. — В подвале.

— В подвале? — я приподнял бровь. Вот это поворот. — Хочу увидеть.

Я быстро поднялся с кровати, натянул штаны и рубаху, и мы вышли. Слуга провёл меня по коридору к лестнице, ведущей вниз. Лестница оказалась не крутой, с широкими, удобными ступенями, и через пару минут мы оказались в довольно просторном помещении.

Я замер на пороге.

Посреди подвала, отделанного светлым гранитом, действительно находился бассейн. Примерно четыре на восемь метров, с идеально чистой, прозрачной водой. Стены и пол были облицованы гладкими гранитными плитами, от которых веяло приятной прохладой. Под самым потолком располагались небольшие окна, через которые в помещение лился утренний свет, создавая на воде причудливые блики. А на стенах я заметил несколько светильников из кованого металла — видимо, для вечернего купания.

— Но почему в подвале? — спросил я, оборачиваясь к слуге. — В таком тёплом климате бассейн должен быть на улице, чтобы вода прогрелась...

— Чтобы вода сохраняла свежесть и была прохладной, молодой господин, — терпеливо объяснил слуга. — Прохлада здесь, в Шамсахаре, — большая ценность. Многие уважаемые люди строят бассейны именно в подвалах, чтобы спастись от дневного зноя.

Я задумался. А ведь логично. В такую жару прохладная вода — настоящее сокровище.

— Что ж, не вижу причин задерживаться, — сказал я и начал раздеваться.

Сложив одежду на скамье у стены, я подошёл к бассейну. Лесенка, ведущая в воду, была сделана из медных труб. Я осторожно ступил на первую ступеньку, потом на вторую...

Вода оказалась прохладной, но не ледяной — в самый раз, чтобы взбодриться, но не получить судорогу от холода. В самом начале бассейна глубина была чуть ниже пояса. Я сделал шаг, другой, потом присел, погружаясь с головой. Вынырнул, фыркая и смеясь — хорошо-то как!

Я выпрямился. Вода доходила почти до шеи — идеально. Можно просто сидеть и наслаждаться.

Но любопытство взяло верх. Я встал и медленно двинулся к противоположному концу бассейна, чувствуя, как дно постепенно уходит из-под ног. Пройдя метра четыре, я заметил, что вода уже достаёт мне до груди. Ещё несколько шагов — и она поднялась до подбородка.

Дальше идти было нельзя, если я не хотел нахлебаться. Но я умею плавать.

Я слегка оттолкнулся ногами от дна, выравнивая тело, и лёгкими, размеренными движениями рук поплыл к дальней стороне. Вода приятно обтекала тело, смывая остатки сна и даря невероятное ощущение свободы.

Доплыв до противоположного края, я коснулся руками гладкого гранита и решил проверить глубину. Просто опустил на дно, вытянув руки вверх. Пальцы рук остались на поверхности — не так уж и глубоко, метра два с половиной, может, чуть меньше.

Но память из прошлой жизни, где я отчётливо усвоил, что с водой шутки плохи, заставила меня быть осторожным. Я оттолкнулся от дна, всплыл и, развернувшись, поплыл обратно. Хотя с этой стороны тоже была лесенка, мне хотелось ещё немного проплыть, насладиться плаванием.

Вот мои ноги коснулись пологого дна. Я выпрямился и, чувствуя приятную усталость в мышцах, вскарабкался по медной лесенке обратно.

Слуга тут же услужливо подал мне большое, пушистое полотенце. Я насухо вытерся, быстро оделся и последовал за ним наверх, на террасу второго этажа.

Глава 4

4

Утро встретило меня уже знакомым видом — навес, подушки, ковёр, лёгкий ветерок. Я устроился поудобнее, и слуга, склонившись в почтительном поклоне, спросил:

— Что молодой господин желает на завтрак?

Задумался. Воспоминания о замке барона, о Милане с её неизменной яичницей, нахлынули тёплой волной.

— Знаешь, — сказал я, — сделай, пожалуйста, яичницу-глазунью из двух яиц. А к ней... — я прищурился, вспоминая вчерашний ужин, — тот самый кебаб, что был вчера. Очень уж он хорош. И, конечно, чайничек хорошего чёрного чая.

— Будет исполнено, молодой господин, — слуга поклонился и исчез.

Ждать пришлось недолго. Вскоре на низеньком столике, стоящем прямо на ковре, появилась фарфоровая тарелка с идеальной яичницей — два желтка, как два солнышка, в обрамлении подрумяненного белка. Рядом, на такой же изящной тарелке, лежал свежеприготовленный кебаб — с хрустящей корочкой, источающий умопомрачительный аромат пряностей. Слуга тут же наполнил пиалу ароматным чёрным чаем.

Принялся за завтрак.

Яичница была великолепна — именно такая, как я любил. Кебаб оказался ничуть не хуже вчерашнего — сочный, нежный, с идеальным балансом специй. С удовольствием съел всё до последней крошки, запивая обжигающим, терпким чаем.

Краем глаза я уловил знакомое движение в небе. Тот самый ковёр-самолёт, на котором вчера улетел Фархад, снова появился на горизонте и плавно приближался к террасе. На нём, как всегда, возлежал мой новый покровитель.

Заметив, что я обратил на него внимание, Фархад приветственно помахал рукой. Я ответил тем же и поспешно поднялся с подушек — встречать уважаемого гостя сидя было бы верхом невежества.

Ковёр мягко опустился на плиты террасы. Фархад, в своём великолепном халате и белоснежном тюрбане, грациозно поднялся и шагнул ко мне, распахнув руки для приветствия.

— Мир тебе, молодой мастер Андрей! Да будет утро твоё благословенным, а день — удачливым! — произнёс он с восточной витиеватостью, сверкая глазами.

— И вам мир, уважаемый Фархад, — ответил я, принимая его приветствие. — Не желаете ли разделить со мной трапезу? Завтрак, правда, скромный, но...

— О, благодарствую, — Фархад мягко, но решительно покачал головой, приложив руку к сердцу. — Я уже вкусил утреннюю пищу. А ты, я вижу, закончил?

— Да, — кивнул я.

— Тогда, — Фархад чуть понизил голос, но в нём зазвучали настойчивые нотки, — предлагаю проследовать на испытание. Время не ждёт.

— С радостью, — выпалил я, чувствуя, как внутри загорается азарт.

Мы перешли на его ковёр, утонув в мягких, роскошных подушках. Фархад мысленно отдал команду, и ковёр плавно, почти невесомо, взмыл в воздух. Мы полетели... в противоположную от центра столицы сторону.

Я не сводил глаз с проплывающего под нами города. Утренний Багдашар был прекрасен — розовые и золотистые крыши, зелень садов. Люди внизу казались муравьями, деловито снующими по своим делам. Вдалеке блестело море, усеянное белыми точками кораблей.

Фархад молчал, лишь с доброй, чуть снисходительной улыбкой наблюдал за мной, за тем, как я жадно впитываю эту красоту.

Вскоре показались стены из светло-жёлтого песчаника, сложенные из огромных, тёсаных блоков. Высокие, массивные, они вздымались прямо посреди пустынной равнины рядом с городом.

Ковёр плавно пошёл на снижение и опустился прямо перед массивными воротами. Мы поднялись, и едва Фархад сделал шаг к воротам, как они бесшумно распахнулись, словно ждали только его.

Внутри нас встретила небольшая группа. Трое. Сразу можно было отличить главного — высокий, представительный мужчина в тёмном, строгом одеянии, с окладистой седеющей бородой и внимательными, умными глазами.

— Да будет день благословен, уважаемый Фархад! — приветствовал он моего спутника, кланяясь.

— И тебе мир, уважаемый Рашид аль-Захир, — ответил Фархад. — Позволь представить — мастер Андрей, тот самый пространственный маг, о котором я говорил.

Рашид аль-Захир окинул меня оценивающим, но доброжелательным взглядом.

— Рад приветствовать, мастер Андрей.

Затем он представил своих спутников — невысокого, сухощавого мужчину с быстрыми глазами, своего заместителя, и кражистого, широкоплечего начальника охраны с грубоватым, но открытым лицом.

Обменявшись любезностями, начальник тюрьмы жестом пригласил нас следовать за ним. Мы прошли через внутренний двор и остановились у одного из участков стены.

— Вот, — Рашид аль-Захир указал на стену.

Подошёл к стене ближе и замер. В стену, на уровне моей груди, был вмурован драгоценный камень. Размером со сливу, идеальной, безупречной огранки, он переливался в утреннем свете глубоким, тёмно-синим цветом. От камня во все стороны, врезанные прямо в каменную кладку, расходились тонкие нити, похожие на бронзовую проволоку. Они ветвились, оплетая стену причудливой паутиной, уходя вглубь и ввысь.

— Эта конструкция, — начал объяснять начальник тюрьмы, — пронизывает всю стену, окружающую тюрьму. Она должна стать надёжной защитой от любой пространственной магии. Ни один портал не сможет открыться внутри, ни одно перемещение — за пределы этих стен. Но чтобы активировать систему, её необходимо напитать пространственной магической силой.

— И это, — подхватил Фархад, поворачиваясь ко мне, — твоё испытание, мастер Андрей.

Камень казался ненасытным — точно таким же, как та заготовка из драгоценного агата.

Но отступить было некуда.

Подошёл вплотную к стене, положил ладони на прохладную поверхность камня. Мысленно ухватил пучок силовых нитей, что пронизывали всё пространство вокруг, пропустил их через себя и начал вливать силу в артефакт.

Камень отозвался мгновенно. Он всасывал магию с той же жадностью, что и агат при создании артефакта, с той же ненасытностью. Сила уходила в него, как вода в песок, и, казалось, не собиралась останавливаться.

Но я был готов. Опыт с агатом многому меня научил.

Стиснул зубы и продолжал вливать, вливать, вливать... Сила текла через меня мощным, неослабевающим потоком. Камень поначалу принимал её легко, но постепенно я начал чувствовать сопротивление. Артефакт насыщался. Он словно говорил мне: «Хватит, больше не надо, я полон».

Но я чувствовал — ещё чуть-чуть. Ещё немного.

Поднапрягся, добавил усилий, влил в камень последние, самые мощные потоки силы, на которые только был способен.

И вдруг камень вспыхнул.

Он не засветился, не заискрил — он просто блеснул особым, внутренним светом, глубоким и ровным, как сияние драгоценности в лучах солнца. По бронзовым нитям, оплетающим стену, пробежала едва заметная голубоватая рябь, и они тоже на мгновение ожили, а потом погасли, слившись с камнем в единое целое.

Убрал руки и сделал шаг назад. Чувствовал я себя так, будто разгрузил вагон угля, но удовлетворение было невероятным.

— Готово, — выдохнул я, оборачиваясь.

Фархад смотрел на меня с таким сияющим, довольным лицом, что я понял — угодил.

— Великолепно, мастер Андрей! — воскликнул он, и в его голосе звучало искреннее восхищение. — Просто великолепно!

Начальник тюрьмы, уважаемый Рашид аль-Захир, тоже не скупился на похвалы. Он подошёл к стене, провёл рукой по камню, по нитям и удовлетворённо кивнул.

— Работа сделана на совесть. Я чувствую силу, что дремлет в этом артефакте. Если понадобится, он выстоит. — Он повернулся ко мне и поклонился. — Благодарю вас, мастер Андрей. От лица всей тюрьмы и от себя лично.

Поклонился в ответ, чувствуя, как от усталости и напряжения начинает слегка кружиться голова. Но настроение было просто отличное.

Я шёл за Фархадом к воротам, и внутри у меня всё пело. Нет, не просто пело — ликовало. Я не просто сделал работу, я прошёл испытание! Драгоценный камень, вмурованный в стену, этот ненасытный артефакт, который требовал силы, силы и ещё раз силы — я его запитал. Я справился. Доказал, что чего-то стою.

Прибавил шаг, нагоняя моего будущего начальника — теперь я уже почти не сомневался в этом.

— Уважаемый Фархад ибн-Аббас аль-Наджи! — окликнул я его. — Можно задать вам вопрос?

Фархад остановился и обернулся. На его лице отразилось лёгкое удивление, но взгляд оставался доброжелательным.

— Вопрос? Хм, — он чуть приподнял бровь. — Задавай, молодой мастер.

— Я хотел спросить... — на мгновение запнулся, но всё же выпалил: — Теперь мне нужно предстать перед Повелителем?

Удивление на лице Фархада сменилось искренним недоумением. Он моргнул раз, другой, а потом... рассмеялся. Не обидно, нет — скорее, с отеческой снисходительностью.

— Ты — к Повелителю? — переспросил он, всё ещё посмеиваясь. — Извини, конечно, мастер Андрей, но попасть на аудиенцию к Шахиншаху не так-то просто. И уж точно не за напитывание силой охранного артефакта, даже такого сложного.

Почувствовал, как щёки заливают лёгкий румянец. Но отступить было некуда.

— Уважаемый Фархад, вы не так меня поняли, — поспешил объяснить. — Я, как бы... даже наоборот. У меня есть принцип: подальше от начальства, поближе к кухне.

Фархад замер. Он повторил фразу, словно пробуя её на вкус:

— Подальше от начальства, поближе к кухне... — Он посмотрел на меня по-новому, с каким-то другим, более глубоким интересом. — Очень интересное выражение. И очень мудрое, скажу я тебе. Скромность — это благо, и я не могу не отметить её в тебе, мастер Андрей.

Я слегка смутился от такой похвалы, но вопрос оставался открытым.

— Тогда что мне сейчас делать? — спросил я.

Фархад задумался на минуту, поглаживая бороду.

— А ты можешь вернуться порталом с этого места?

— Да, уважаемый Фархад, конечно, — ответил я без тени сомнения.

— Тогда возвращайся в дом и ожидай. Сегодня тебя навестит почтенный Хаким аль-Саиг, лучший портной столицы. Он поможет тебе подобрать достойные одеяния, подходящие твоему новому положению. А позже, вечером, я загляну к тебе сам.

Он многозначительно посмотрел на меня — взглядом, не требующим слов. Пора, мол, действуй.

Я кивнул, отошёл на пару шагов, легко и непринуждённо потянул силу из нитей. Портал сформировался мгновенно — ровная, стабильная арка малого перехода. За ней угадывалась знакомая терраса с навесом.

Обернулся, ещё раз взглянул на Фархада, который наблюдал за мной с одобрительной улыбкой, и шагнул в арку.

Шаг — и я уже стоял на тёплых плитах террасы второго этажа. За спиной с лёгким хлопком закрылся портал.

Зашёл под навес и с наслаждением рухнул на подушки. Силы было потрачено много — ох, как много. Этот камень высосал из меня едва ли не столько же, сколько мой драгоценный агат. Тело гудело, веки наливались свинцом.

— Посижу немного, — пробормотал я сам себе, устраиваясь поудобнее. — Просто прикрою глаза на минуточку...

Провалился в сон мгновенно.

— Молодой господин... Молодой господин...

Голос пробивался сквозь ватную пелену сна. С трудом разлепил веки.

Надо мной стоял слуга, тот самый, что прислуживал мне с утра. Вид у него был слегка обеспокоенный.

— Молодой господин, простите, что потревожил... — начал он, когда понял, что я очнулся. — Не желаете ли чего-нибудь? Может быть, принести обед или освежиться?

Приподнялся на локтях, прогоняя остатки сна.

— Нет, спасибо, ничего не... — начал было я, но вдруг остановился.

Слуга уже собрался уходить, но я окликнул его:

— Постой! Подожди.

Он замер и почтительно склонил голову, ожидая распоряжений.

Пудобнее уселся на подушках и посмотрел на него.

— Скажи-ка мне вот что... Я тут совсем недавно в вашей стране и ещё не до конца разобрался в денежной системе. Расскажи мне о монетах, что у вас ходят.

Слуга оживился — видимо, вопрос был ему понятен и приятен.

— О, молодой господин, с удовольствием, — начал он. — В Шамсахаре основой всего является золотой динар. Это крупная, тяжёлая монета из чистого золота. На одной стороне — имя нашего великого Повелителя, да продлятся его дни, на другой — символ солнца, покровителя нашей страны.

Я кивнул, запоминая.

— Золотой динар делится на десять серебряных дирхамов, — продолжил слуга. — Это полновесные серебряные монеты, очень хорошего качества. Их тоже охотно принимают везде. А дирхам, в свою очередь, делится на десять медных фельсов. Это мелкие монетки, для повседневных трат — хлеб, вода, мелкие услуги.

Задумался, сопоставляя с привычными мне имперскими деньгами.

— То есть, если я правильно понимаю, золотой динар — это примерно как наша имперская золотая крона? — уточнил я.

— Совершенно верно, молодой господин, — обрадовался слуга моей сообразительности. — А серебряный дирхам соответствует вашему полновесному сиклю. Медный фельс — это ваш обол, только у нас он медный, а не серебряный, как в Империи.

— Ага, — протянул я, начиная понимать расклады. — Значит, соотношение такое же: один к десяти во всех ступенях.

— Именно так, молодой господин. Очень удобно для расчётов, — подтвердил слуга.

Улыбнулся. Система была простой и логичной, что не могло не радовать.

— Спасибо тебе за подробный рассказ, — сказал я и только тут спохватился: — Кстати, прости, что не спросил раньше. Как тебя зовут?

Слуга слегка удивился такому вниманию, но ответил с готовностью:

— Меня зовут Карим, молодой господин. Карим. Я главный слуга в этом доме.

— Очень приятно, Карим, — искренне сказал я. — Спасибо тебе за всё. И... пожалуй, я всё-таки попрошу чего-нибудь попить. Жара сегодня стоит невыносимая.

Карим поклонился и исчез с той же бесшумной быстротой, к которой я уже начинал привыкать.

Вернулся он через несколько минут. В руках он нёс небольшой, но изящный поднос, на котором стояла округлая, пузатая бутылка из тёмного стекла с длинным изящным горлышком, рядом с ней — искусно выполненные восточные сладости на маленьких тарелочках и прозрачный, тонкостенный бокал на низкой ножке.

Карим поставил поднос на столик передо мной.

Я удивлённо посмотрел на бутылку, потом на Карима.

— Вино? — переспросил я. — Днём? В такую жару?

Карим улыбнулся — мягко, понимающе.

— О нет, молодой господин. Это не вино в привычном понимании. Это сильно разбавленное виноградное вино, в котором совсем небольшая доля алкоголя, — пояснил он, открывая бутылку. — Но вкус у него богатый, насыщенный, с фруктовыми нотками. В такую жару это самый лучший напиток для утоления жажды. Он освежает лучше любой воды и не пьянит.

Он налил прозрачную рубиновую жидкость в бокал и поставил передо мной.

Взял бокал, принялся. Действительно — лёгкий, приятный фруктовый аромат, без резкого запаха алкоголя. Сделал глоток.

Напиток оказался восхитительным — прохладный, чуть терпкий, с приятной кислинкой и долгим, освежающим послевкусием. Он словно разливал по телу живительную прохладу, прогоняя остатки сонной одури.

— Замечательно, — выдохнул я. — Просто замечательно. Спасибо, Карим.

— Рад стараться, молодой господин, — слуга поклонился и, убедившись, что я больше ни в чём не нуждаюсь, бесшумно удалился, оставив меня наслаждаться напитком и предвкушать вечерние события.

Сделал ещё один глоток прохладного, разбавленного вина и откинулся на подушки, наслаждаясь послевкусием. Напиток был действительно хорош — освежал, бодрил и при этом не пьянил. В такую жару — самое то.

Взгляд скользил по террасе, по саду внизу, по голубому небу с редкими перистыми облаками. Мысли текли лениво, приятно, ни на чём не задерживаясь надолго.

И тут я заметил Карима.

Слуга буквально влетел на террасу — для человека, который обычно передвигался бесшумно и плавно, это было невероятно. Лицо его покраснелось, глаза горели каким-то возбуждённым блеском.

— Молодой мастер! — выпалил он, едва переведя дух. — Подъезжает уважаемый Хаким аль-Саиг, лучший портной столицы! Его послал сам уважаемый Фархад ибн-Аббас аль-Наджи!

Мгновенно поднялся с подушек. Фархад предупреждал, что сегодня прибудет портной, и я не собирался ударить в грязь лицом, встречая важного гостя сидя.

Быстро спустился по лестнице во двор и вышел к воротам как раз вовремя, чтобы увидеть необычное зрелище.

Глава 5

5

Ко мне приближалась повозка. Лёгкая, одноосная, с двумя большими колёсами, спицы которых были искусно выточены и, кажется, покрыты лаком. Над сиденьем возвышался лёгкий навес-крыша из тёмно-синей ткани, расшитой серебряными звёздами, защищающий пассажира от солнца. Сама повозка выглядела изящно и богато.

Но не это поразило меня больше всего.

В повозку была запряжена... деревянная лошадь.

Нет, я не сошёл с ума. Это был не живой конь, а искусно вырезанная из дерева фигура в натуральную величину, покрытая тёмным лаком, с настоящей гривой из конского волоса и сверкающими глазами-камешками. Лошадь стояла неподвижно, но в её позе чувствовалось напряжение — будто она в любой момент готова была сорваться с места.

Магический артефакт. Это было очевидно.

Из повозки тем временем выбирался пожилой мужчина. Высокий, худощавый, с благородной седой бородой. Одет он был в роскошный халат из тёмно-зелёного шёлка, расшитый серебряными нитями, на голове — безупречный тюрбан, тоже с серебряной вышивкой. Несмотря на возраст, двигался он легко и уверенно.

— Уважаемый мастер Хаким? — я шагнул навстречу, приветствуя гостя с лёгким поклоном. — Меня зовут Андрей. Добро пожаловать.

— Мир тебе, молодой мастер, — голос у портного оказался мягким, но звучным, с приятными старческими нотками. — Меня прислал уважаемый Фархад ибн-Аббас аль-Наджи, да пребудет с ним благословение. Он просил подобрать для тебя достойные одеяния.

— Я бесконечно благодарен уважаемому Фархаду и вам, уважаемый мастер, что нашли время, — ответил я искренне. — Не желаете ли подняться на террасу и выпить чаю? Жара сегодня нешуточная, да и с дороги, наверное, устали.

Старый мастер окинул меня одобрительным взглядом и кивнул.

— С удовольствием, молодой мастер. С удовольствием.

Он поднялся по лестнице на удивление легко — ни одышки, ни признаков усталости. Я шёл следом, отметив про себя, что возраст здесь явно не помеха.

На террасе нас уже ждали. Карим, оказывается, не терял времени даром. На низком столике, стоящем на ковре, красовался изящный чайник, расписанный золотыми птицами и цветами, две маленькие пиалы, а на отдельных тарелочках — уже знакомые восточные сладости: рахат-лукум, засахаренные орехи, тонкие ломтики халвы.

Мы с мастером опустились на подушки. Карим разлил чай и бесшумно удалился, оставив нас наедине.

— Красивый вид, — заметил мастер, окидывая взглядом сад и террасу. — И климат здесь мягче, чем в центре столицы. Хороший выбор.

— Это всё заслуга уважаемого Фархада ибн-Аббаса аль-Наджи, — ответил я, принимая пиалу. — Он предоставил мне этот дом.

Мы сделали по глотку чая. Тишина была приятной, не напрягающей. Мастер рассматривал меня с лёгким, изучающим интересом.

— Ты издалека, молодой мастер Андрей, — сказал он наконец. — Это видно.

Не стал скрывать.

— Из Империи Аэндор, уважаемый мастер.

— Ах, Империя, — старик задумчиво покатал на языке это слово. — Как там дела? Мирно ли? Я слышал, у вас там беспокойно последнее время.

Я пожал плечами, стараясь держаться общих фраз.

— Да всё хорошо, уважаемый мастер. Торговля процветает, народ трудится, все невзгоды и напасти обходят Империю стороной.

Мастер кивнул, соглашаясь.

— Торговля — это хорошо. Торговля — это процветание. Когда купцы ездят спокойно, товары текут рекой, тогда и в стране порядок, и в казне звонко, — он сделал ещё глоток чая. — Мы в Шамсахаре тоже торговлю уважаем. Очень уважаем.

Мы помолчали, наслаждаясь чаем и сладостями. Я чувствовал себя на удивление комфортно в обществе этого старого, мудрого человека.

— Уважаемый мастер, — решился я наконец, — когда мы приступим к снятию мерок?

Старик посмотрел на меня с лёгким удивлением, а затем улыбнулся — доброй, чуть лукавой улыбкой.

— А в этом нет необходимости, молодой мастер, — ответил он.

Я опешил.

— Как... нет необходимости?

— Опыт, — мастер прикоснулся пальцем к виску. — Опыт позволяет мне определить размеры на глаз. Я уже всё увидел, всё запомнил. Не волнуйся, одежда сядет на тебя как влитая.

Я только покачал головой, восхищаясь таким профессионализмом.

— Поразительно, — выдохнул я.

— Это просто опыт, — скромно ответил мастер, поднимаясь с подушек. — А теперь, молодой человек, благодарю за угощение и приятную беседу, но мне пора. Дела не ждут.

Я тоже встал и проводил его до повозки. Старик легко спустился по лестнице, устроился под навесом, и деревянная лошадь вздрогнула, словно пробуждаясь, и плавно тронулась с места, увозя его прочь.

Стоял и смотрел вслед этому чуду техники, пока повозка не скрылась за поворотом.

— Красивая вещь, правда? — раздался за моей спиной голос Карима.

Обернулся. Слуга стоял тут же, с улыбкой глядя на удаляющуюся повозку.

— Карим! — обрадовался я. — Ты как раз вовремя. Скажи, что это за необычная повозка? Что за лошадь такая?

Карим просиял — видимо, вопрос был ему приятен.

— Это, молодой господин, артефактная повозка, — начал он с гордостью знатока. — Называется «карура аль-хайль» — «колесница скакуна». Лошадь — это голем, дело рук одной из самых уважаемых артефактных мастерских Багдашара. Внутри неё сложнейшие магические схемы, позволяющие двигаться без усталости, не нуждаясь в корме и воде.

Слушал, раскрыв рот.

— И дорого такое удовольствие? — спросил я.

Карим понимающе усмехнулся.

— Очень дорого, молодой господин. Такая повозка — не просто средство передвижения, это показатель статуса. Не каждый, даже очень богатый купец, может себе такое позволить. Нужно не только иметь золото, но и быть вхожим в определённые круги, чтобы тебе продали этот артефакт.

Кивнул задумчиво, глядя в ту сторону, куда уехал мастер.

— Что ж, — сказал я как бы между делом, — неплохо бы занять такую же. Уж больно она мне приглянулась.

Карим понимающе улыбнулся, но ничего не ответил.

Вернулся на террасу, под навес, и устроился на подушках. В голове крутились мысли о сегодняшнем дне, об испытании, о Фархаде, о роскошном портном, о волшебной повозке. И вдруг меня осенило.

— Карим! — позвал я.

Слуга появился мгновенно, будто только и ждал.

— Слушаю, молодой господин.

Легко поднялся, сходил в комнату, где провёл прошлую ночь, и взял оттуда свою странственную сумку. Вернувшись на террасу и устроившись на подушках, сунул руку в сумку и легонько представил, как рука касается шкатулки с монетами. И — о чудо! — рука сама наткнулась на гладкую, прохладную поверхность.

Вынул шкатулку. Поставил её на столик перед собой и открыл крышку.

Солнечные лучи упали на монеты, и они вспыхнули тёплым, глубоким золотом.

Подозвал Карима взглядом.

— Подойди, посмотри, — сказал я, когда он приблизился.

Карим заглянул в шкатулку. И вдруг его лицо изменилось. Глаза расширились, на щеках выступил румянец, и он благоговейно прошептал:

— О, не может быть...

Я удивился такой реакции.

— Что это за монеты, Карим? — спросил я.

— Молодой господин! — восхищённо ответил мне слуга, не сводя глаз с шкатулки. — Это не просто монеты. Позвольте... — он протянул руку и, получив мой кивок, осторожно взял одну монету, поднёс к свету, всмотрелся в чеканку.

— В молодости, — начал он, и голос его дрожал от волнения, — я служил у очень уважаемого учёного мужа. Он изучал старину, древности, раскапывал развалины, искал артефакты ушедших эпох. И однажды он показывал мне точно такую же монету.

Он перевернул монету другой стороной.

— Видите этот знак? — он указал пальцем на изображение стилизованного солнца с расходящимися лучами, которое я раньше не замечал. — Это монета времён до Великой войны. Шамсаршахр — так называлась наша страна в те древние времена. Солнечная держава, эпоха благополучия и расцвета. Такие монеты сейчас огромная редкость.

— Учёный говорил, — продолжал Карим, — что такие монеты чеканили из особого золота, с добавлением какой-то древней магии. Они не тускнеют, не стираются, и по сей день выглядят как новые. Их цена для коллекционеров и знатоков древности... — он покачал головой, — несоизмерима с простым золотом.

Забрал у него монету, повертел в пальцах, вглядываясь в древнее солнце.

— Карим, — позвал я, не отрывая взгляда от сокровища. — Ты сказал, что это монеты древнего государства. Насколько они ценны сейчас? Просто золото или... что-то большее?

— О, молодой господин, — начал он, бережно подбирая слова, — ценность этих монет невозможно измерить простым золотом. Да, золото в них чище, чем в нынешних динарах, и сами монеты крупнее, тяжелее. Но главное не в этом. Шамсаршахр был великой державой, молодой господин. Могущественной, богатой, просвещённой. Их маги творили чудеса, о которых мы сейчас можем только мечтать. А их золото... — он вздохнул, — их золото впитало в себя ту эпоху. Для знатоков древности, для коллекционеров, для тех, кто собирает осколки ушедшего величия, эти монеты — настоящее сокровище. За одну такую можно выручить в десятки раз больше, чем за простой динар.

Я слушал, затаив дыхание. Выходит, я владею не просто деньгами, а кусочками истории. Частицами давно исчезнувшего мира.

— А что случилось с этим миром? — спросил я, чувствуя, как внутри закипает жгучее любопытство. — Что за Великая война, о которой ты упомянул?

Карим помрачнел. Его лицо, только что сиявшее восхищением, стало серьёзным, даже скорбным.

— Я не учёный муж, молодой господин, — ответил он тихо. — Но мой бывший хозяин, тот самый уважаемый учёный, часто рассказывал мне о тех временах. О том, что погубило великую державу.

Он помолчал, собираясь с мыслями, и продолжил:

— В Шамсаршахре произошла междоусобная война. Великие маги ополчились друг на друга. Могущественные школы различных течений и направлений — огня, воды, воздуха, земли, разума, пространства — все они враждовали между собой. Не менее могущественные сообщества приверженцев одной из стихий пытались завладеть властью. Они убивали соперников с жестокостью, от которой кровь стынет в жилах.

Представил эту картину — магические баталии, рушащиеся города, гибель тысяч людей — и по спине пробежал холодок.

— Война была жесточайшей, — продолжал Карим. — Всепоглощающей. Она не щадила никого — ни женщин, ни детей, ни стариков. Школы магии, которые веками копили знания, исчезали за одну ночь. Города, строившиеся десятилетиями, превращались в руины за считанные часы.

— А что случилось дальше? — спросил я.

— Один из сильнейших кланов — маги земли — в отчаянии применил запретное заклинание, — голос Карима стал совсем тихим. — Они хотели защитить свою цитадель, похоронить врагов под толщей песка и камня. Но сила вышла из-под контроля. Великая пустыня, что окружала Шамсаршахр, ожила. Песок поглотил большую часть державы — города, дворцы, поля, целые провинции. Всё, что попало под его гнев, исчезло навсегда.

Я вспомнил бескрайние пески, что видел, пролетая над столицей на ковре-самолёте. Неужели под ними до сих пор лежат руины великой цивилизации?

— А маги земли? — спросил я. — Они выжили?

— Их тоже настигла кара, — покачал головой Карим. — Их погубило их же собственное заклинание. Они были повержены — кто погиб под песком, кто был растерзан выжившими в войне, жаждущими мести. Почти все сильные маги — да и не только сильные — погибли в той войне. Те немногие, что выжили, бежали в другие земли или спрятали свои знания так глубоко, что их до сих пор не могут найти.

Он замолчал, и в этой тишине чувствовалась тяжесть веков.

— Поэтому сейчас, молодой господин, маги так ценятся в Шамсахаре, — добавил он, поднимая на меня глаза. — Великий Повелитель, да продлятся его дни, благоволит магам. Он знает, что маги могут быть опорой сильного государства. Что без них страна уязвима. И он делает всё, чтобы привлечь к себе тех, кто владеет силой.

Выходит, я попал не просто в страну, где магию уважают. Я попал в страну, где каждый, кто владеет силой, на вес золота.

— Спасибо, Карим, — сказал я искренне. — Ты открыл мне глаза на многое.

— Всегда рад помочь, молодой господин, — слуга поклонился. — Если позволите, я пойду готовить обед. Уважаемый Фархад обещал заглянуть вечером.

— Да, конечно, ступай.

Карим бесшумно удалился, а я остался сидеть на подушках, глядя на шкатулку с древним золотом. Мысли крутились вокруг одного: что ещё скрывает этот удивительный мир? И какие тайны мне предстоит разгадать?

Сидел на подушках, переваривая услышанное от Карима. Древние монеты, Великая война, погибшая держава... Информации было так много.

— Молодой господин, — раздался голос Карима, вырывая меня из размышлений. — Не желаете ли отобедать?

Я и не заметил, как пролетело время. Солнце стояло высоко, жара усилилась, и в животе предательски заурчало.

— С удовольствием, Карим, — ответил я, убирая шкатулку в пространственную сумку.

Слуга исчез и через некоторое время вернулся с огромным подносом, от которого исходили такие ароматы, что у меня слюнки потекли мгновенно.

На низком столике одно за другим появлялись блюда. Небольшие тарелочки с разными видами мяса — варёного, жареного, томлёного. Пиалы с овощными закусками, политыми

оливковым маслом и посыпанными зеленью и орешками. Глубокая миска с густым, наваристым супом, в котором плавали крупные куски баранины и какие-то незнакомые, но ароматные крупы. Лепёшки, только что из печи, тонкие и мягкие. И, конечно, округлая пузатая бутылка из тёмного стекла с длинным горлышком — молодое вино, как я уже догадывался.

Суп был изумителен — наваристый, пряный, с мясом, которое таяло во рту. Лепёшки, ещё тёплые, были идеальны, чтобы макать их в соусы. Вино приятно освежало и оттеняло вкус пряностей.

Я ел и ел, не в силах остановиться. Местная кухня завораживала своим разнообразием и глубиной вкуса.

И, как это уже бывало, я переел.

Откинувшись на подушки, почувствовал ту самую приятную, но требовательную тяжесть в желудке. Надо было двигаться.

Встал, спустился по лестнице в сад и побрёл по дорожкам. Жара была такой, что воздух дрожал над камнями, но в тени деревьев дышалось легко. Я снова нашёл ту самую беседку под раскидистым гранатом, где отдыхал вчера. Присел на скамейку, откинулся на спинку и закрыл глаза.

Мысли текли лениво, но в них уже вырисовывались очертания будущего. Я — член тайной государственной организации. «Луч Солнца Бездны». Звучит гордо, даже слишком. Интересно, какие задания мне будут поручать? Ловить кого-нибудь? Выслеживать опасных тварей?

Мечтал о победах, о возвышении, о том, как буду полезен новому государству. И в то же время где-то глубоко внутри теплилась мысль: «Только бы не подвести. Только бы оправдать доверие».

Краем глаза я уловил знакомое движение в небе.

Ковёр-самолёт. Он плавно, величественно снижался, направляясь прямо к террасе второго этажа.

Вскочил со скамейки и, забыв про жару и тяжесть в желудке, поспешил обратно в дом, вверх по лестнице, на террасу.

Фархад уже стоял на ковре, который мягко опустился на плиты. Вид у моего будущего начальника был до невозможности довольный — прямо как у кота, объевшегося сметаны.

— А, мастер Андрей! — воскликнул он, сходя с ковра и распахивая руки для приветствия. — Рад видеть тебя в добром здравии! У меня для тебя замечательные новости!

Мы уселись на подушки под навесом, и Фархад, сияя, объявил:

— Всё решено, мастер Андрей! Отныне ты — полноправный член моей боевой группы. Поздравляю!

У меня от сердца отлегло. Я знал, что испытание прошло успешно, но официальное подтверждение значило многое.

— Благодарю, уважаемый Фархад, — искренне ответил. — Я сделаю всё, чтобы оправдать доверие.

— Уверен, — кивнул Фархад. — Кстати, как прошёл визит уважаемого Хакима? Был ли мастер? Снял ли все необходимые мерки?

Слегка смутился, но решил говорить честно.

— Был, уважаемый Фархад. Но... мерки он не снимал.

— Не снимал? — Фархад приподнял бровь.

— Сказал, что с высоты своего опыта ему достаточно и взгляда. Что одежда сядет идеально.

Фархад расхохотался — довольно, одобрительно.

— О, узнаю мастера Хакима! — воскликнул он. — Он действительно великий портной. Я верю его точному глазу. Если он сказал, что достаточно взгляда, значит, так и будет. Скоро твой новый наряд будет готов, и ты будешь выглядеть как подобает истинному «Лучу Солнца Бездны».

Он хитро прищурился и, как заправский иллюзионист, запустил руку под одну из подушек, на которых восседал. Через мгновение в его ладони появилась небольшая, искусно сделанная шкатулочка из тёмного дерева с перламутровой инкрустацией.

— А это, мастер Андрей, предназначается тебе, — сказал Фархад, открывая крышку.

Внутри, на бархатной подложке, лежали три перстня. Они мерцали в свете заходящего солнца, и каждый выглядел по-своему величественно.

Фархад взял первый — массивный, из белого золота, с крупным сапфиром, в котором, казалось, горел внутренний свет.

— Этот перстень, — начал он, — знак того, что его носитель является тайным магическим стражем нашей организации. «Лучом Солнца Бездны». Носи его с честью.

Он протянул мне перстень, и я принял его, чувствуя тяжесть не только металла, но и ответственности.

Затем он взял второй — поизящнее, из того же белого золота, но с камнем поменьше, тёмно-синим, почти чёрным.

— А это магический артефакт связи.

Третий перстень отличался от первых двух. Он был из красного золота, с камнем огненно-рыжего цвета, напоминающим закатное солнце. Фархад взял его в руки и посмотрел на меня с особым выражением.

— По идее, двух первых перстней достаточно, — сказал он. — Но ты, мастер Андрей, порталщик. А для порталщика у нас есть специальный перстень.

Он протянул мне третий перстень.

— Это тоже магический артефакт. Нечто схожее с камнем возвращения, но с одним важным отличием. Этот перстень всегда будет показывать тебе, где нахожусь я, твой непосредственный начальник. И в случае необходимости ты сможешь открыть портал прямо ко мне, где бы я ни находился. При условии, конечно, что у порталщика хватит силы.

У меня перехватило дыхание. Я прекрасно понимал ценность такого артефакта.

— Теперь, — продолжил Фархад, — надень их. И слушай внимательно, на какие пальцы.

Я приготовился.

— Первый перстень, знак твоей принадлежности к страже, надевается на указательный палец правой руки. — Я послушно надел массивный перстень с сапфиром на указательный. Он сел идеально, будто был создан для меня. — Второй, артефакт связи, — на средний палец правой руки.

Тонкий перстень с тёмным камнем легко скользнул на место.

— А третий, — Фархад сделал паузу, — лучше надеть на левую руку. На средний палец. Так он будет всегда под рукой и не перепутается с служебными.

Надел и третий перстень. Теперь обе мои руки были украшены этими великолепными перстнями. Посмотрел на них и почувствовал себя... другим. Более значительным, что ли.

— Отлично, — удовлетворённо кивнул Фархад. — А теперь...

Он снова нырнул под подушку и извлёк на свет небольшой, но увесистый мешочек из тёмной кожи, туго затянутый шнурком. Я уже догадывался, что там.

— За проделанную работу в тюрьме тебе полагается награда. Сто шестьдесят золотых динаров, — объявил Фархад.

Мысленно прикинул. Сто шестьдесят динаров — это восемьдесят пространственных сумок по местным ценам. Или сорок камней возвращения. Сумма была серьёзной, очень серьёзной. С трудом сдержал довольную улыбку.

Но Фархад не закончил. Он посмотрел на меня с хитрым, чуть заговорщицким выражением лица.

— А теперь, мастер Андрей, у меня для тебя есть ещё одно предложение, — его голос стал чуть тише, но от этого не менее значительным. — Я договорился с владельцем этого дома. Он согласен продать его тебе.

— Продать? Этот дом? Мне?

— Именно, — Фархад довольно улыбнулся. — Всего за сто пятьдесят динаров. И поверь мне, это очень хорошая сделка. Владелец сделал серьёзную скидку — как для нового «Луча Солнца Бездны». Такое предложение выпадает не каждому.

Лихорадочно соображал. Собственный дом в столице Шамсахара! Это же не просто крыша над головой — это статус, это независимость, это...

— Я согласен! — выпалил я, не раздумывая ни секунды. — Конечно, согласен! Но... — я запнулся, — а как же слуги? Карим?

Фархад понимающе кивнул.

— Слуги остаются, — ответил он. — Это часть сделки. Но вопрос об оплате их услуг отныне — между тобой и ними. Договаривайся сам, как сочтёшь нужным. Это твой дом, твои правила.

Я выдохнул с облегчением.

— Благодарю вас, уважаемый Фархад, — сказал я искренне. — Я даже не знаю, как отблагодарить вас за всё.

— Служи честно, — просто ответил Фархад, поднимаясь с подушек. — Это будет лучшей благодарностью.

Фархад шагнул на ковёр, уже готовый к отлёту, но на мгновение задержался.

— Завтра с утра я прилечу за тобой, — предупредил он. — Покажу основное место работы, познакомлю с остальными «Лучами». Будь готов.

— Буду, — кивнул я.

Ковёр плавно оторвался от террасы, поднялся выше и, развернувшись, полетел в сторону столицы. Я смотрел ему вслед, чувствуя, как внутри разливается тепло. Собственный дом. Три магических перстня на пальцах. И завтра — новый этап жизни.

Глава 6

6

Задумался. Сто шестьдесят озвучил Фархад, сто пятьдесят предложил за дом... десять должно было остаться. Может, это плата за регистрацию права собственности? Какие-то сопутствующие расходы, оформление документов, благодарность посредникам? Или...

Я тут же отогнал эту мысль. Нет, не может быть. Фархад ибн-Аббас аль-Наджи, этот великодушный, душевный человек, который столько для меня сделал — приютил, устроил испытание, выбил награду, дом помог купить, перстни подарил... Неужели он мог позариться на жалкие десять золотых? Это было бы мелко, недостойно такого человека. Значит, действительно расходы.

— Молодой господин, — раздался голос Карима, и я вздрогнул от неожиданности. — Когда прикажете подавать ужин?

— Карим, — сказал я, — у меня к тебе важная просьба. Объём ужина надо обязательно сократить.

Слуга удивлённо поднял бровь.

— Сократить, молодой господин? Но...

— Понимаешь, — я развёл руками, — характер у меня слабый, а привычка — дурацкая. Мама с детства приучила всё доедать до конца. И если передо мной поставят столько же, сколько вчера, я просто не смогу остановиться. А это неправильно.

Карим попытался возразить, мягко, но настойчиво:

— Молодой господин, важный человек должен выглядеть солидно. Большой человек — большой вес, так говорят в Шамсахаре. Вам нужно хорошо питаться, чтобы быть сильным.

Я посмотрел на него долгим, внимательным взглядом. Карим понял, что спорить бесполезно, и поклонился.

— Будет сделано, молодой господин.

Ужин принесли быстро. И действительно — порции были ровно в половину меньше вчерашних, но такие же ароматные и изумительно вкусные. С удовольствием съел всё, чувствуя, как насыщение приходит ровно в тот момент, когда тарелки пустеют. Идеально.

Во время ужина во дворе появился незнакомый человек — молодой парень в скромной, но опрятной одежде, с огромным баулом в руках. Карим, не отвлекая меня от еды, сам подошёл к нему, переговорил, забрал баул и отпустил посыльного.

— Молодой господин, — доложил он, когда я закончил с ужином. — Хаким аль-Саиг прислал вашу одежду.

Я отставил пиалу с чаем.

— А сколько мы должны?

— Нисколько, молодой господин, — Карим улыбнулся. — За всё заплатил уважаемый Фархад.

Я откинулся на подушки и довольно улыбнулся. Десять золотых. Вот куда они ушли. Не на регистрацию, не на сопутствующие расходы — на одежду для меня. На заботу. На то, чтобы я выглядел достойно с первого же дня.

— Вот это забота, — пробормотал я себе под нос.

После ужина, несмотря на сокращённые порции, лёгкий дискомфорт всё же остался. А может, дело было не в дискомфорте, а в остром желании снова оказаться в той прохладной, ласковой воде.

Я спустился в подвал.

Бассейн встретил меня тишиной и ровным светом, льющимся из окон под потолком. Вода была идеальной — прохладной, освежающей, но не ледяной.

Плавал я долго, наслаждаясь каждым движением. Выныривал, переворачивался на спину, смотрел в сводчатый потолок и думал о том, как удивительно складывается жизнь.

Когда я наконец выбрался, Карим уже стоял наготове с большим, пушистым полотенцем в руках.

— Позвольте, молодой господин, — сказал он, и я не стал отказываться. Он ловко и быстро обтёр меня насухо, и я почувствовал себя настоящим вельможей, которому прислуживают.

— Спасибо, Карим, — поблагодарил я, принимая полотенце, чтобы уже самому завершить процедуру. Одеваться не стал — сил не было, да и зачем? Я собирался лечь пораньше. Завтра меня ждал очень интересный день.

— Спокойной ночи, молодой господин, — поклонился слуга.

— Спокойной ночи, Карим.

Я поднялся в спальню и провалился в сон, едва коснувшись подушки.

Проснулся я рано — солнце ещё не поднялось высоко, но в комнате уже было светло. Карим мгновенно появился в дверях.

— Доброе утро, молодой господин, — приветствовал он. — Позвольте помочь одеться?

— Нет, Карим, спасибо, — отказался я. — Сначала хочу в бассейн. Будь добр, приготовь, пожалуйста, полотенце и займись завтраком. Всё то же самое — яичница и кебаб.

— Будет исполнено, — поклонился слуга.

В бассейне я провёл, наверное, с полчаса. Вдоволь наплававшись, вышел, самостоятельно обтёрся насухо и оделся. Странное дело — в прошлой жизни я и представить не мог, что буду получать такое удовольствие от водных процедур. А тут — прямо необходимость.

Поднявшись на террасу, замер.

На столике, накрытом белоснежной скатертью, уже дымился завтрак. Рядом, на специальной подставке, лежал мой новый наряд.

Я подошёл ближе, боясь прикоснуться.

Это было великолепие. Нижнее бельё из тончайшего, почти невесомого шёлка. Поверх него — тёмно-синий халат, расшитый золотыми нитями таким затейливым узором, что дух захватывало. Пояс — широкий, из плотной парчи, с золотым шитьём и тонкой выделки пряжкой. Головной убор — белоснежный тюрбан, тоже с золотой вышивкой, мягкий и одновременно торжественный. И всё необходимое — штаны, обувь, даже небольшой кошелек на пояс.

— Позвольте, молодой господин, помочь облачиться, — предложил Карим.

— Да, — выдохнул я. — Помоги. Я боюсь что-нибудь испортить.

Карим помогал ловко и умело. Сначала нижнее бельё, потом халат, который сел на меня так, будто его шили по многодневным меркам, а не по одному беглому взгляду мастера. Пояс лёг идеально, подчёркивая талию и придавая фигуре статность. Тюрбан Карим намотал с каким-то особым, профессиональным шиком.

— Молодой господин, — выдохнул он. — Вы выглядите... великолепно. Серьёзно, богато, достойно. Как истинный житель столицы, как один из лучших людей Шамсахара. Уважаемый мастер Хаким превзошёл сам себя.

Я повернулся к нему, улыбнулся.

— Спасибо, Карим. Без твоей помощи я бы точно запутался во всех этих одеяниях.

— Это моя работа, молодой господин, — скромно ответил слуга.

Завтрак был изумителен. Яичница — идеальная, с двумя золотыми желтками. Кебаб — сочный, пряный, с хрустящей корочкой. Чай — крепкий, чёрный, ароматный, разлитый в изящную пиалу.

И тут я заметил знакомое движение в небе.

Ковёр-самолёт. Фархад.

Он плавно опустился на террасу, и мой будущий начальник, сияя улыбкой, шагнул на каменные плиты. Сегодня он был одет не менее роскошно, чем вчера — тёмно-бордовый халат с золотым шитьём, безупречный тюрбан, перстни на всех пальцах.

— Ну что, молодой мастер, готов? — спросил он, окидывая меня одобрительным взглядом. — О, вижу, ты уже приоделся подобающе своему новому статусу. Похвально, похвально! И работу мастера Хакима не могу не отметить — как всегда, на высоте. Сидит идеально.

— Благодарю, уважаемый Фархад, — ответил я, чувствуя себя немного неловко под его изучающим взглядом. — Не желаете ли чаю? Завтрак ещё...

— Нет-нет, — отмахнулся Фархад. — Я уже позавтракал, благодарю. Нам пора. Занимай место рядом со мной, и отправимся знакомиться с твоими новыми коллегами.

Кивнул, допил чай одним глотком и шагнул на ковёр. Утонул в мягких подушках, чувствуя, как сердце начинает биться чаще — то ли от предвкушения, то ли от лёгкого волнения.

Ковёр плавно оторвался от террасы, набрал высоту и взял курс на столицу. Внизу проплывали крыши, сады, узкие улочки, по которым сновали люди. Город просыпался, наполняясь звуками и красками.

Я наслаждался полётом, как вдруг краем глаза заметил, что Фархад изменился в лице.

Он поднёс правую ладонь к правому уху, и выглядело это до того смешно, что я едва сдержал улыбку. Прямо как в моём мире, когда дети пародируют родителей, разговаривающих по телефону — прикладывают ладошку к уху и начинают что-то вещать.

Говорил он очень тихо, и я не стал прислушиваться — не моё дело. Но выражение его лица становилось всё более напряжённым.

Разговор закончился. И в ту же секунду полёт резко изменился.

Ковёр дёрнулся, ускорился, круто свернул влево и начал стремительно снижаться. Ветер засвистел в ушах, и через несколько мгновений мы уже стояли на какой-то неприметной улочке, зажатой между глухими стенами.

— Следуй за мной, — бросил Фархад, и в его голосе прозвучала такая властная, уверенная интонация, какой я раньше не слышал.

Молча пошёл следом.

Мы вошли в какое-то неприметное здание, спустились по лестнице всё ниже и ниже, и наконец оказались в сводчатом коридоре. Удушливый, тошнотворный запах ударил в нос — запах нечистот, сырости, разложения. Канализация. Мы были в канализации.

Фархад шёл впереди, и сейчас он напоминал не добродушного вельможу, а злобную ищейку, взявшую след. Он что-то искал, и это что-то явно было здесь.

Метров через сто мы нашли.

В полумраке коридора стоял человек в чёрном балахоне, скрывающем фигуру. Он замер, когда увидел нас, и я почувствовал исходящую от него угрозу.

— Стоять! — голос Фархада громом разнёсся под сводами. — Отрыжка Аждабанда!

Я не понял слова, но интонация не оставляла сомнений — это было страшное оскорбление.

Человек в чёрном резко развернулся. Его руки взметнулись вверх, и с них сорвались два огненных шара. Размером с большие арбузы, они с яростным шипением, жужжанием и визгом полетели в нашу сторону.

Фархад мгновенно выставил левую руку с растопыренными пальцами. Перед нами возник прозрачный, мерцающий щит. Шары ударились о него с глухим грохотом и рассыпались фонтаном искр.

— И это всё, что ты можешь, говно собачье? — насмешливо крикнул Фархад. В его голосе я отчётливо слышал провокацию, желание разозлить противника.

И это сработало.

С рук неизвестного ударили два мощнейших, непрерывных потока огня. Они били в щит Фархада с чудовищной силой, и я заметил, как лицо моего старшего товарища скривилось от напряжения.

— Да чтоб тебя Аждабанд побрал, сильная пакость! — выдохнул он сквозь зубы, и я снова услышал это странное слово-проклятие.

Мгновение — и во мне щёлкнуло. Я могу помочь. Я должен помочь.

Не раздумывая ни секунды, я применил ту самую технику, что использовал на дуэли в академии.

Перед щитом Фархада, прямо на пути огненных потоков, я открыл пространственный портал. Широкий, на всю ширину коридора. А выходной портал развернул высоко в небе, метрах в четырёхстах над городом.

Огненная атака врага устремилась в портал — и исчезла. Вылетела в небо.

Фархад сразу почувствовал, что давление на щит пропало. Он всмотрелся, увидел ровную арку, потом перевёл взгляд на меня.

— Это то самое, о чём ты мне говорил, мастер Андрей? — спросил он, и в его голосе прозвучало искреннее удивление.

— Да, уважаемый Фархад, — ответил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Та самая практика, что я использовал на дуэли.

— И долго ты сможешь её держать?

Я задумался, прикидывая свои силы.

— Ну... в таком виде, — я кивнул на портал, — наверное, пока не умру от жажды или голода.

Фархад посмотрел на меня с таким удивлённым выражением, что я даже смутился. А потом усмехнулся.

— А ты молодец. Правильно сражаешься.

Я не обратил внимания на его усмешку — слишком напряжён был момент.

— И что, — спросил я, — долго мы будем тут находиться? Боюсь, вся моя новая одежда пропитается запахом нечистот.

Фархад хмыкнул.

— Это ерунда. Ещё немного — и эта блоха с задницы Аждабанда выдохнется. Тогда я его сцапаю.

Так и вышло. Минут через семь — по моим ощущениям — огненный маг выдохся. Потоки пламени прекратились, и он замер, тяжело дыша.

— Убирай портал, — скомандовал Фархад.

Послушно свернул арку.

И тут же Фархад применил свою магию.

Воздух вокруг противника сгустился, превратившись в плотный, мерцающий кокон. Я видел, как мужчина в чёрном пытался вдохнуть, но не мог — воздух выдавило из его лёгких. Он захрипел, забился, а потом обмяк, парализованный. Воздушный кокон плавно поднял его тело над полом.

— Пошли, — бросил Фархад и зашагал обратно.

Я последовал за ним, косясь на парящее в воздухе тело. Сначала я подумал, что мы разместим его на ковре, рядом с нами. Но всё оказалось проще.

Мы поднялись на поверхность, уселись на ковёр, на мягкие подушки, а пойманный маг так и остался висеть в воздухе, послушный технике Фархада. Мы взлетели и направились... к тюрьме. К той самой, где вчера я напивал защитный артефакт.

Я посмотрел на Фархада, на его сосредоточенное, но удовлетворённое лицо, и подумал: «Похоже, моя новая работа начинается. И начинается она весьма... насыщенно».

Тронный зал дворца был погружён в тишину, нарушаемую лишь лёгким шелестом бумаги. Повелитель Джалаладдин, великий Шахиншах, да продлятся его дни, восседал на роскошном диванчике, обложенный расшитыми золотом подушками. В руках он держал длинный свиток — доклад с прогнозом об урожае зерновых в южных провинциях.

Цифры были обнадеживающими. Дожди в этом году выпали вовремя, вредители не тронули посевы, и казна могла рассчитывать на хорошее пополнение. Повелитель довольно хмыкнул, ставя мысленную пометку наградить смотрителей южных наделов.

Краем глаза он заметил какое-то шевеление. Поднял взгляд от свитка и удивлённо приподнял бровь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.